

Ю. СТЕКЛОВ.

КАРЛ МАРКС,

ЕГО ЖИЗНЬ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(1818—1883)

Издание третье
исправленное и дополненное.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Стеклов

Карл Маркс

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(1818—1883)

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

исправленное и дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз № 3988.

Тираж 10000

1-я Тип. МСНХ. „Печатное Искусство“. Арендаторы С. Я. Цузмер и С. Г. Гликин
Маросейка, Армянский пер., д. № 6.

I.

Годы подготовки.

Карл Маркс родился в Трире 5 мая 1818 г. в зажиточной и интеллигентной еврейской семье. Отец его, адвокат, а впоследствии советник юстиции, Генрих Маркс, был умеренным прусским лойялистом; в 1824 г. он со всей семьей перешел в протестантизм—не под влиянием какого-либо закона, направленного против евреев, как думали некоторые биографы, а просто из желания слиться с прусским культурным обществом. Мать Маркса была голландская еврейка и до самой своей смерти говорила по-немецки с ошибками. В общем семья Маркса была совершенно свободна от традиционных предрассудков старого еврейства, но и революционной атмосферы в семье не было; революционным настроением Маркс впоследствии заразился в университете, главным образом, под влиянием самостоятельной критической умственной работы.

Уже с раннего детства Маркс выделялся своими способностями. Его блестящие природные дарования возбуждали в отце предчувствие, что его сын когда-нибудь сыграет в истории человечества выдающуюся роль, а мать называла его «счастливчиком»: так бодро и весело вступал мальчик в жизнь, и так все ему удавалось. В 17 лет он окончил Трирскую гимназию (1835 г.), при чем получил лестный отзыв за успехи в древних языках и за удачные переводы и объяснения самых трудных мест из древних классиков, «особенно тех, где трудность заключалась не столько в особенностях языка, сколько в самой сути вопроса и в ходе рассуждений».

Затем Карл Маркс поступил на юридический факультет Боннского университета, где в первое время вел себя, повидимому, как самый заурядный немецкий бурш, дрался на дуэлях, писал скверные стихи и делал большие долги,—к негодованию

отца, сурово выговаривавшего сыну за его «дикую» и бурную студенческую жизнь. Со второго семестра Маркс, по желанию отца, перевелся в Берлинский университет; но перед отъездом в Берлин он обручился с подругой своего детства Дженни фон-Вестфален, которая была старше его на 4 года. Невеста принадлежала к прусскому дворянскому роду фон-Вестфаленов (старший брат ее впоследствии был реакционным прусским министром) и по женской линии была связана с шотландской аристократической фамилией герцогов 'Аргайль'). Родители Маркса были очень дружны с семьей Вестфаленов, но их смущало требование сына до поры до времени держать в тайне свое обручение. Однако, пока о браке рано было думать, и молодой Карл продолжал в Берлине, тогдашних «Афинах на Шпрее», изучать юридические науки и философию Гегеля, составлять огромные диссертации по метафизике права, затем безжалостно рвать их, попрежнему сочинять плохие вирши и писать безумные письма к своей невесте. Какую умственную производительность обнаруживал уже тогда молодой Маркс, видно из того, что он послал своей Дженни три тома собственных стихотворений, написал несколько сочинений по философии права, при чем одно из них занимало около 300 листов, изучал историю литературы и искусства, изучал итальянский и английский языки, естественные науки—и, в конце-концов, доработался до полного переутомления и нервного расстройства. Одно время Маркс, по совету отца, начал склоняться к мысли об ученой карьере и профессуре, но в конце-концов инстинкты агитатора и борца взяли в нем верх, и он решил заняться литературной деятельностью.

Никто, пожалуй, не проник так глубоко в сущность гегелевской философии, как Карл Маркс. Гегель (1770—1831 г.), был, как известно, создателем последней великой системы идеалистической философии. В основе его системы лежало признание тождества действительности и разума. Действительно то, что разумно, и, наоборот, то, что действительно,—разумно. Это положение далеко не означает оправдания всего

¹⁾ В начале 50 х годов Маркс жил в Англии в качестве эмигранта и страшно бедствовал. Жена его решила обратиться к своим именитым родственникам с просьбой притти им на помощь присланием какой-нибудь работы; и вот тогдашний глава рода Аргайль прислал своей родственнице в ответ Библию и посоветовал ей почаще читать эту книгу, дабы обратиться на путь истинный и спасти свою душу.

того, что существует, как полагали правые гегелианцы и как говорил сам Гегель. Последний в практической жизни стремился доставить своей философией оправдание прусского полицейского государства. По его словам, государство есть воплощение нравственной идеи и абсолютного разума. Но из его философии могли быть сделаны и были сделаны прямо противоположные выводы.

Этому способствовал тот метод, который применял Гегель, и который решительно противоречил практическим выводам его философии. Это так называемый диалектический метод. Сущность его заключается в том, что все течет, все изменяется, все развивается, и развивается путем противоречий. причем на известной ступени развития происходит резкий перелом, скачок. История тоже представляет процесс развития от низших форм к высшим. Правда, у Гегеля, согласно общему духу его системы, развивается идея, но это второстепенная частность. Левые ученики Гегеля, применяя последовательно его метод, пришли к самым крайним выводам. И недаром Герцен, который хорошо изучил философию Гегеля, признал ее «алгеброй революции». Маркс также скоро пришел к тем же выводам.

Отец его не дожил до конфликта, который непременно разразился бы между ними, в виду того революционного направления, к которому начал склоняться молодой Карл (Генрих Маркс умер 10 мая 1838 г.). В это время Маркс испытал на себе влияние берлинского кружка молодых «левых гегелианцев» — историка Карла Кеппена, философа Бруно Бауэра и других. Хотя Маркс был лет на десять моложе своих товарищей и хотя они уже в то время были незаурядными людьми, тем не менее они скоро признали превосходство молодого Маркса и относились к нему не как учителя, а как равные товарищи. И если старшие товарищи влияли на Карла Маркса, то, с другой стороны, и молодой мыслитель, этот ходячий «магазин идей», оказывал влияние и на них, в чем они искренне и шутливо сознавались. В среде молодых гегелианцев, под видом отвлеченных философских рассуждений и всесторонней разработки «философии самосознания» (философия Гегеля), шла, в сущности, резкая критика тогдашнего социально-политического убожества Германии и вырабатывались крайне демократические идеи, выражавшие стремления развивающейся

буржуазии. Прусское правительство косо смотрело на левых гегелианцев, а реакционное гонение, воздвигнутое им против Бруно Бауэра, потерявшего кафедру, показало Марксу, что ему не преуспеть на почве профессорской карьеры. Только 15 апреля 1841 года ему удалось получить докторскую степень в Йенском университете ¹⁾, но мысль о профессуре пришлось окончательно оставить.

Маркс ринулся в оппозиционную публицистику. В то время Пруссия переживала эпоху политической «весны». Буржуазия смело стремилась к политической свободе, а реакционное правительство, упираясь и огрызаясь, делало лицемерные уступки, главным образом, под влиянием финансовых затруднений. Первая статья Маркса направлена была против попыток правительства сочетать цензуру со свободой печати. Статья предназначалась для журнала «Немецкий Ежегодник» (*Deutsche Jahrbücher*), издававшегося Арнольдом Руге, в то время политическим радикалом, но, по тогдашним цензурным условиям, она была напечатана в двухтомном сборнике «Анекдоты», вышедшем в 1843 году в Швейцарии. Эта статья Маркса, разоблачавшая все противоречия прусской цензурной инструкции и блестяще отстаивавшая право на свободу печати против королевской цензуры, сразу обратила внимание публики на молодого публициста. И когда либеральная рейнская буржуазия основала для борьбы с абсолютизмом ежедневную «Рейнскую Газету» (январь 1842 г.), то Маркс сделался сначала ее сотрудником, а затем и ее редактором (с осени 1842 г.). Программа газеты требовала всеобщего избирательного права, политических свобод, прогрессивно-подходящего налога, распущения постоянной армии и т. д. Среди блестящего состава сотрудников кельнской газеты (назовем из них Кеппена, Бруно, Бауэра, Макса Штирнера, Моисея Гесса) Маркс занимал первое место: его блестящий, резкий слог, не-

¹⁾ Докторская диссертация Маркса „О различии между натурфилософией Демокрита и Эпикура“ была посвящена им отцу Дженни, Людвигу фон-Вестфалену. В предисловии к ней находились следующие стихи Эсхила: „Откровенно говоря, ко всем богам я ненависть питаю“ и следующие гордые слова Прометея, сказанные им слуге богов, Гермесу:

Но знай, Гермес, что казнь мою и цепи
Не променял бы я на твой позор:
Чем вестником проворным у царей
Служить, как ты.

Эти цитаты весьма характерны для Карла Маркса, который уже в то время чувствовал себя тираноборцем.

умолимая логика, политическая чуткость и бурный темперамент делали его незаметным публицистом. Но скоро Маркс почувствовал свое незнакомство с экономическими вопросами и, в частности, с социалистическими системами.

В рассматриваемое время Маркс далеко не был еще коммунистом, а только крайним и решительным демократом. Свое недостаточное знакомство с экономическими проблемами Маркс откровенно признал, когда возник вопрос о мелких крестьянах-виноделах в долине Мозеля. Но хотя и не будучи социалистом, Маркс, благодаря своим прирожденным демократическим инстинктам, решительно высказался против привилегий крупных землевладельцев и в пользу крестьян. Однако, слабость в области «материальных интересов» смущала Карла Маркса, и он в душе обрадовался закрытию «Рейнской Газеты» (март 1843 г.), которое давало ему возможность временно удалиться с публицистической арены в кабинет ученого. «Рейнская Газета» прекратила свое существование, но в течение ее кратковременного выхода в свет Маркс сумел создать из нее боевой орган, сыгравший серьезную роль в деле пробуждения немецкой демократии.

В 1843 г. Маркс, наконец, женился на Дженни Вестфален и уехал с молодой женой в Париж, где вместе с Руге приступил к изданию радикального журнала «Немецко-французский Ежегодник» (*Deutsch-französische Jahrbücher*): прусские условия делали издание демократического органа в самой Пруссии невозможным. В этом журнале сотрудничали, кроме Маркса и Руге, Энгельс, Гесс, Генрих Гейне, поэт Гервег, Фейербах, Якоби и Бакунин. В 1844 г. вышла первая двойная книжка нового журнала, в которой Маркс напечатал три письма к Руге о политическом положении Германии, статью «К критике гегелевской философии права» и статью «К еврейскому вопросу».

В письмах к Руге Маркс протестует против политического пессимизма, указывая на то, что экономическое развитие само подготавливает все элементы грядущего политического переворота; здесь он в смутных выражениях намекает на значение пролетариата в предстоящих социальных потрясениях и отрицательно отзывается о тогдашних утопических системах, однако, еще не противопоставляя им собственной системы крити-

ческого коммунизма. Во всяком случае, он признает временной задачей революционной оппозиции если не положительные построения и определенные формулы, то «беспощадную критику всего существующего, беспощадную в том смысле, что она не боится ни своих результатов, ни конфликтов с существующими властями».

Еще более характерным для понимания того процесса, посредством которого Маркс от гегелианства переходил к марксизму, является его введение в критику гегелевской философии права. Здесь Маркс исходит из антирелигиозной критики Фейербаха ¹⁾, но идет дальше своего учителя, ставя вопрос на более конкретную, историческую почву. Он старается превратить критику неба в критику земли, критику религии в критику права, критику богословия в критику политики. Маркс прекрасно понимает, что вопросы действительности не разрешаются философскими рассуждениями. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружия, — говорит он. — Материальная сила должна быть свергнута материальной же силой, но и теория становится материальной силой, когда она охватывает массы». А теория способна овладеть массами, «как только она становится радикальной». Какой же класс способен был в тогдашней Германии явиться носителем всеобщего освобождения, возвещаемого философией? Исходя из абстрактного анализа «сущностей» классовых отношений, Маркс дает на поставленный вопрос тот же ответ, какой он впоследствии даст в результате анализа конкретных общественных отношений буржуазного общества: «пролетариат».

В статье «К еврейскому вопросу», критикующей взгляды Бруно Бауэра, Маркс делает еще один шаг вперед, утверждая, в противоположность Гегелю, что гражданское общество первенствует над государством, а не наоборот. Он указывает на то, что уже в античном и феодальном строе общество составляло необходимую основу государства, как и в настоящее время. Но лишь в новейший период истории противоположность между обществом и государством настолько усилилась и, вместе с тем, упростилась, что она должна разрешиться в

¹⁾ Людвиг Фейербах (1804—1872)—немецкий философ, ученик Гегеля, самый крупный из левых гегелианцев; один из основателей современного материализма.

сознательную организацию общественных сил, которая в высшем синтезе уничтожит противоречие между общественной анархией и государственным принуждением и освободит человека, сделав его господином над источниками его жизни.

Как мы видим, в этих статьях намечаются (правда, в неопределенной и зародышевой форме) будущие взгляды творца материалистического понимания истории. Под влиянием внимательного изучения политической экономии, с одной стороны, и под влиянием кипучей политической жизни тогдашней Франции—с другой, Маркс из левого гегелианца и крайнего буржуазного демократа постепенно начал превращаться в горячего социалиста или «коммуниста», как тогда назывались сторонники революционного социализма в отличие от сторонников различных утопических и окрашенных мещанством умеренных социалистических систем. В самой Франции кипела ожесточенная борьба классов, партий и направлений; на глазах у Маркса совершался разрыв между буржуазной и социальной демократией; рабочие, до тех пор послушно тащившиеся на буксире за буржуазными революционерами, выказывали стремление выступать самостоятельно и выдвигали социальную проблему в ее наиболее остром виде преобразования индивидуальной собственности в социальную. Они заполняли тайные общества, почти вытеснив оттуда традиционный интеллигентский элемент. Париж представлял тогда арену пылких идейных схваток и лабораторию социальных систем. Наряду с обломками старых утопических школ возникали новые утопические секты вроде последователей Кабэ, но, вместе с тем, назревали элементы нового пролетарского мировоззрения, хотя и перемешанные со следами изжитых идеологий (как, например, бланкизм). В частности, бланкисты, наиболее деятельный и здоровый элемент тогдашнего французского рабочего движения, оказывали заметное влияние на проживающих в Париже немецких интеллигентов и рабочих, вербуя их в свои тайные общества. Под влиянием всей этой кипучей жизни, связанной с лихорадочной умственной работой и критической самопроверкой, Маркс в течение трех лет (1844—1847) выработал и обосновал свое новое миросозерцание, впоследствии получившее название научного социализма. От старого утопизма оно, главным образом, отличалось своим критическим и реалистическим характером.

В 1844 г. Маркс познакомился в Париже с Энгельсом ¹⁾, с которым он остался до смерти связан верной дружбой. Вдвоем они выполнили громадную работу критического рассмотрения старого социализма и обоснования нового критического коммунизма или научного социализма, к которому они пришли почти самостоятельно и независимо друг от друга, но который получил окончательную отделку только в результате их совместной работы. Сначала в критике Энгельса преобладали экономические мотивы, тогда как Маркс оперировал преимущественно философскими соображениями; но впоследствии роли их переменились: Маркс взял на себя главным образом развитие экономической стороны нового учения, а Энгельс — его общеполитическое обоснование и защиту его от нападков противников.

II.

Выработка нового мирозерцания.

Прежде чем приступить к точной формулировке и обоснованию своей новой точки зрения, Маркс поспешил разделаться с прежними идеалистическими и утопическими системами, от которых не так давно он сам был не вполне свободен. Началась его ожесточенная борьба со всеми видами революционного романтизма и идеализма, которую он не оставлял до последнего вздоха; в них он усматривал одну из главных помех на пути пролетариата к своему освобождению, которое не может быть достигнуто без достижения рабочим классом полного самосознания. Именно потому, что Маркс придавал такое серьезное, определяющее значение развитию классового самосознания пролетариата, он позволял себе такую резкую полемику со всеми людьми и учениями, которые на его взгляд способны были задержать или затемнить сознание рабочего класса. Его полемика всегда исходила из широких социальных мотивов, и только этим да еще боевым темпераментом убежденного борца объясняются ее нетерпимость и резкость.

После закрытия «Немецко-французского Ежегодника», закрытия, вызванного отчасти разногласиями между его редак-

¹⁾ Фридрих Энгельс (1818—1895)—германский революционер; в 1845 г. выпустил известную книгу «Положение рабочего класса в Англии». Вместе с Марксом является основателем современного революционного коммунизма.

тором, буржуазным радикалом Руге, и Марксом, последний писал в немецкой газете «Вперед» (Vorwärts), издававшейся в Париже неким Бернштейном. Революционный характер и смелый тон газеты вызывали негодование прусского правительства, и, по представлению прусского посланника, Гизо 1 января 1845 г. выслал ближайших сотрудников газеты, в том числе и Маркса, из Парижа. Маркс уехал в Брюссель. Здесь он написал свой известный памфлет «Святое семейство» или «Критика критической критики», направленный против его бывшего друга Бруно Бауэра и его сторонников. В этом памфлете, знаменовавшем окончательный разрыв Маркса с немецким идеализмом и утопизмом 40-х годов, он открыто выступает в качестве социалиста-реалиста и выразителя идеологии пробуждающегося пролетариата. В целом ряде других статей, направленных против буржуазных демократов и утопистов того времени, Маркс выяснял свою точку зрения и разрабатывал свое коммунистическое мировоззрение. Вместе с Энгельсом он написал двухтомную критику послегегелевской философии, но, не будучи в состоянии напечатать эту работу, Маркс и Энгельс тем охотнее предоставили свою рукопись «грызущей критике мышей», что они достигли своей главной цели, а именно—уяснения себе своих собственных взглядов (от этого периода сохранились тезисы Маркса о Фейербахе).

В Брюсселе же Маркс впервые занялся практической деятельностью, а именно пропагандой среди проживавших там немецких эмигрантов. Не ограничиваясь литературной деятельностью, предназначенной главным образом для образованных людей, они основали в Брюсселе немецкий рабочий союз, в котором читались лекции по политическим и экономическим вопросам (часть этих лекций Маркса составили впоследствии брошюры «Наемный труд и капитал», свидетельствующую о популяризаторском таланте Маркса). По поводу фритредерской ¹⁾ болтовни международного конгресса экономистов, заседавшего в сентябре 1847 г. в Брюсселе, Маркс выступил в брюссельском Демократическом Обществе со своей известной «Речью о свободе торговли», в которой разоблачил ли-

¹⁾ Фритредеры—буржуазная экономическая школа сторонников свободы торговли, свободы промышленной деятельности, свободы капиталистической эксплуатации, невмешательства государства в отношения между капиталом и рабочими.

цемерные славословия идеологов буржуазии. Но главной работой Маркса за этот период является его знаменитый памфлет «Нищета философии», направленный против Прудона ¹⁾ и написанный зимой 1846—47 г.г. В этом сочинении уже содержатся основные черты марковского социализма.

Проживая в Париже, Маркс поддерживал личные сношения с руководителями «Союза Справедливых», состоявшего из немецких политических эмигрантов и ремесленников, но не входил в него, в виду того, что программа союза, окрашенная идеалистическим и бунтарским духом, не могла его удовлетворить. Но постепенно в рядах союза происходила эволюция, сближавшая его с взглядами Маркса и Энгельса, которые при помощи устных и письменных сношений, а также через посредство прессы влияли на политические взгляды членов союза. В исключительных случаях оба друга сообщали свои взгляды своим корреспондентам при помощи литографированных циркуляров. После разрыва с бунтарем Вейтлингом ²⁾ и систематической «суровой критики негодных теоретиков» почва для вступления Маркса и Энгельса в союз была подготовлена. На первом конгрессе союза, принявшего название «Союза Коммунистов», присутствовали Энгельс и Вильгельм Вольф (которому посвящен первый том «Капитала»), а на втором съезде в конце ноября 1847 г. присутствовал и сам Маркс. Конгресс, выслушавши речь Маркса, в которой он развивал новое социалистическое мировоззрение, поручил ему и Энгельсу выработать программу союза. Таким образом и появился знаменитый «Манифест Коммунистической Партии» (в феврале 1848 г.).

В нынешнем году исполнилось ровно 75 лет с тех пор, как был опубликован «Коммунистический Манифест», три четверти века, заполненные нескончаемым рядом политических и социальных потрясений не только в Европе, но и на всем земном шаре! И, тем не менее, в общем и целом «Коммунистический Манифест» в своих основных положениях не только не устарел, но, напротив, с каждым годом история все больше под-

¹⁾ П. Ж. Прудон (1809—1865)—французский писатель и политический деятель, основатель учения о „мютюэлизме“ (взаимности) или мирного анархизма.

²⁾ Вильгельм Вейтлинг (1808—1871)—портняжный подмастерье, один из основателей немецкого коммунизма; впоследствии впал в сектантский анархизм и отошел от массового рабочего движения.

тверждала глубокую внутреннюю правоту изложенных в нем принципов.

История человеческого общества, говорит «Коммунистический Манифест», с момента распада первобытной общины была историей борьбы классов. Современное буржуазное общество, выросшее на развалинах феодализма, не уничтожило классовых противоречий; оно лишь упростило классовые различия. Это общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие стоящие друг против друга класса: буржуазию и пролетариат.

Буржуазия сложилась в результате длинного исторического процесса и целого ряда переворотов в способах производства и распределения. Апогея своего развития этот класс достиг с развитием крупной машинной промышленности. По мере развития буржуазии изменялись также условия политической жизни, которые она приспособляла к своим классовым интересам. Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль. Она всюду разрушала старые патриархальные отношения, совлекала идеалистический покров с человеческих отношений и таким образом заставляла людей трезво взглянуть на свое жизненное положение. Она внесла глубочайший переворот в экономическую жизнь, содействовала небывалому развитию производительных сил, сконцентрировала средства производства и обмена, разрушила национальные перегородки, подчинила деревню господству города и, наконец, вызвав хронические кризисы, разоблачила перед всем миром свою неспособность оставаться дольше во главе ею же порожденных производительных сил.

На смену ей идет пролетариат, ею же вызванный к жизни. Благодаря обезземелению крестьянства и разрушению мелких предприятий, не выдерживающих конкуренции со стороны крупной промышленности, пролетариат рекрутируется из всех классов населения. Но с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата. С одной стороны, эксплуатация его усиливается, а необеспеченность существования возрастает; но, с другой стороны, он группируется во все большие массы, приучается к коллективному труду и к солидарности, сила его растет и, вместе с тем, растет также его сознательность. Начинается борьба между пролетариатом и буржуазией. Сначала ограниченная и местная, она принимает

все более широкий, национальный и даже международный характер. Охвативши пролетариат целой страны, она становится классовой борьбой и принимает политический характер. Эта классовая борьба, которая, в отличие от всех предыдущих революционных движений, является самостоятельным движением огромного большинства во имя интересов огромного большинства, в конце-концов должна завершиться социальной революцией, которая приведет к уничтожению классов и всякой эксплуатации человека человеком.

Коммунисты являются выразителями классовых интересов пролетариата. От остальных пролетарских партий они отличаются лишь тем, что, с одной стороны, они выдвигают и отстаивают общие, независимые от национальных особенностей, интересы пролетариата, а, с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития борьбы пролетариата с буржуазией они всегда выражают интересы движения в целом. Поэтому, коммунисты на практике представляют самую решительную и передовую часть рабочего движения, а теоретически у них имеется то важное преимущество перед остальной массой пролетариата, что они ясно понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения. Их ближайшая цель—организация пролетариата в класс, низвержение господства буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом.

Первым шагом рабочей революции является возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии. Пролетариат воспользуется своей политической властью, чтобы рядом нападений отнять у буржуазии капитал, сосредоточить все орудия производства в руках государства, т. - е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Конечно, вначале это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения. В этом направлении в самых передовых странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие меры:

- 1) Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
- 2) Высокий прогрессивно-подходящий налог.

3) Уничтожение наследственного права.

4) Конфискация имущества всех эмигрантов и контр-революционных бунтовщиков.

5) Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.

6) Централизация средств передвижения в руках государства.

7) Увеличение числа национальных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение земель по общему плану.

8) Одинаковая обязательность труда для всех, организация промышленных армий, в особенности для земледелия.

9) Соединение земледелия с промышленностью, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

10) Общественное и бесплатное воспитание всех детей, устранение фабричной работы детей в ее современной форме, соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Установивши конечную цель коммунизма и выяснивши его идеологию путем критического анализа враждебных систем, Маркс и Энгельс переходят к определению той тактики, какой должны держаться коммунисты в виду ожидавшихся ими в близком будущем политических конфликтов. Так как коммунисты тогда были слишком слабы для того, чтобы обходиться без союзов с другими партиями, то авторы «Манифеста» подвергли рассмотрению вопрос о возможных соглашениях с строго реалистической и вместе с тем принципиальной точки зрения. По отношению к рабочим партиям вопрос был слишком ясен. Так как коммунисты «не составляют какой-нибудь особой партии, противостоящей другим рабочим партиям», то они всегда поддерживают существующую рабочую партию (в Англии чартистов, во Франции «социальных демократов»), не отказываясь от критического отношения к фразам и иллюзиям, вытекающим из революционной традиции.

Как же быть с буржуазными партиями?

В своей известной статье о гегелевской философии права, написанной в 1844 году, Маркс высказывал уверенность, что в Германии революция непосредственно должна привести к уничтожению пролетариата, т.-е. оказаться социальной революцией. В «Манифесте Коммунистической Партии» он пишет, что Германия стоит накануне буржуазной револю-

ции, но прибавляет, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще и при наличии гораздо более развитого пролетариата, чем Англия в XVII и Франция в XVIII веке. А отсюда, по мнению Маркса, вытекает, что немецкая буржуазная революция может явиться лишь «непосредственным прологом пролетарской революции». Так как «коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя», то «в Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией, поскольку буржуазия выступает революционно против абсолютной монархии, феодального землевладения и мелкого мещанства». Но при этом коммунисты ни на минуту не перестают вырабатывать в головах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие тотчас же могли обратить как оружие против буржуазии те общественные и политические условия, которые должно принести с собою господство буржуазии; чтобы тотчас же после падения реакционных классов Германии началась борьба против самой буржуазии.

III.

Революция 1848—49 года.

К концу 40-х годов в Германском Союзе, а особенно в Пруссии и в южных немецких государствах умножились признаки надвигающейся революции. Монархия, упираясь и огрызаясь, начала постепенно делать уступки смелевшей буржуазии; одним из проявлений этих колебаний прусской монархии было издание февральского патента 1847 года, которым созывался соединенный ландтаг. Брожение замечалось среди различных слоев промышленной и торговой буржуазии, среди интеллигенции, части крестьянства, низшего чиновничества и даже среди младших офицеров. Маркс видел, что в Германии надвигается революционный переворот. В возможность соглашения между монархией и народом Маркс и Энгельс совершенно не верили. «Из всех политических элементов,—писали они,—народ самый опасный для короля... Действительный на-

род, мелкие крестьяне и чернь, это, выражаясь словами Гоббса *puer robustus sed malitiosus*, крепкий и злой паренёк, и он не даст себя одурачить ни тощим, ни жирным королям. Этот народ прежде всего вырвал бы у его величества конституцию со всеобщим избирательным правом, свободой союзов, свободой печати и т. п., и если бы он приобрел все это, то употребил бы добытое на возможно скорейшее разрушение мощи, достоинства и поэзии королевской власти».

Но разоблачая иллюзии реакционеров, Маркс, с другой стороны, решительно выступил против того политического радикализма, который видел в монархах единственных виновников всякой реакции. Возражая Гейнцену, Маркс доказывал, что не германские 36 монархов являются источником немецкого общества, а, наоборот, немецкое общество есть источник монархической власти. Насильническо-реакционная роль, в которой выступают монархи, доказывает только, что в порах старого общества постепенно образовалось новое общество, и это новое общество не может не смотреть на существующую политическую оболочку, эту естественную надстройку старого общества, как на противоестественные путы, которые необходимо разорвать. Когда материальные жизненные условия общества разовьются настолько, что преобразование его официальной политической власти станет для него жизненной необходимостью, то преобразится вся физиономия старой политической власти. Так, абсолютная монархия пытается теперь децентрализовывать вместо централизования, в котором заключалась собственно ее цивилизующая деятельность. Выросшая из поражения феодальных сословий и сама принимавшая деятельнейшее участие в их разрушении, она старается теперь удержать хотя бы видимость феодальных различий. После того, как она благоприятствовала торговле и промышленности и вместе с тем возвышению буржуазного класса, как необходимым условиям национального могущества и собственного блеска, абсолютная монархия становится теперь повсюду на пути развитию торговли и промышленности, являющихся все более опасным оружием в руках и без того уже могущественной буржуазии.

В рассматриваемый момент Маркс полагал, что буржуазия призвана сыграть в Германии такую же роль, какую она сыграла во Франции во время Великой Революции. Он надеялся,

что в начавшейся борьбе против старого режима буржуазия не остановится на полпути и смело пойдет до конца, вплоть до уничтожения всех пережитков докапиталистического строя. В этом отношении Маркс до опыта 1848 года склонен был даже преувеличивать историческое значение буржуазии в деле очищения социально-политической почвы от феодального мусора. В связи с этим он полагал, что пролетариат в своих собственных интересах должен оказать буржуазии самую энергичную поддержку в деле борьбы с абсолютизмом и всеми реакционными классами старого общества. Вот почему он резко нападал на тех демократов-утопистов, которые надеялись перескочить из феодально-полицейского режима прямо в социалистическое Эльдorado и дискредитировали буржуазию в тот момент, когда она начинала борьбу с абсолютизмом за политическую свободу. По меткому замечанию Маркса, эти «истинные» социалисты весьма кстати позабыли, что предпосылкой французской критики, которую они неразумно повторяют, является современное буржуазное общество, с соответствующими условиями материального существования и политической конституцией; а именно этой-то предпосылки и не существовало в Германии, именно ее она и должна была завоевать.

Так как, по мнению Маркса, период буржуазной революции должен был непосредственно смениться периодом пролетарской или социальной революции, то ясно, какая важная роль в этой исторической схеме отводилась пролетариату или, по крайней мере, его передовым слоям. В развитии их классового сознания, в выяснении им объективных тенденций совершавшейся на их глазах исторической эволюции, в определении характера борющихся общественных классов, одним словом, в раскрытии тайны современного общества заключалась, таким образом, главная и непосредственная задача социалистических идеологов. Эту задачу Маркс выполнял в своих лекциях, газетных статьях, брошюрах и особенно в «Коммунистическом Манифесте», составленном вместе с Энгельсом.

«Коммунистический Манифест» появился в печати в феврале 1848 года. Через несколько дней, 24 февраля 1848 года, вспыхнула революция в Париже, а 18 марта разразилось победоносное восстание в Берлине. Европа вступила в полосу революционных потрясений.

Центральное правление «Союза Коммунистов» облекло Маркса диктаторскими полномочиями, поручив ему организовать в Париже новый центральный комитет. Член временного правительства Флокен письмом от 1-го марта пригласил Маркса вернуться в Париж, откуда он был некогда выслан министерством Гизо. В Париже основан был новый центральный комитет, в который входили Маркс, Энгельс, Вильгельм Вольф, Бауер, Молль и Шалпер и который обратил главное внимание на Германию; ведь «Коммунистический Манифест», предусматривавший в недалеком будущем неминуемый взрыв всемирного политического потрясения, рекомендовал международному пролетариату сосредоточить свое внимание на Германии, так как в этой стране предстоит революция не только политическая, но и социальная. В Германии события сложились так, что буржуазия, напуганная преобладающей ролью пролетариата во французской революции, не обнаруживала достаточной решимости в борьбе со старым режимом; с другой стороны, Маркс не мог не видеть, что оближайшим, очередным вопросом немецкой политической жизни является не социальный переворот, до которого сравнительно отсталая страна еще не дозрела, а завоевание буржуазных условий существования и основных политических вольностей. Как замечает Меринг, «если Союз Коммунистов хотел вмешаться в революционное движение масс, если он не желал снова впасть в сектантство, которое только что сбросил с себя, то он мог вступить на почву немецкой революции лишь в качестве самого крайнего крыла демократии,—из чего отнюдь не следовало, что ему надо было сколько-нибудь скрывать свои конечные цели».

В этом духе и составлено было воззвание, выпущенное в начале марта новым центральным комитетом Союза Коммунистов и формулировавшее «Требования коммунистической партии в Германии». Этот циркуляр требовал учреждения единой и нераздельной немецкой республики на парламентских началах, всеобщего народного вооружения, национализации княжеских и феодальных поместий, рудников и средств сообщения, организации в вышеупомянутых поместьях крупного земледельческого хозяйства при помощи новейших технических приемов в интересах всего общества, национализации ипотек на крестьянские земли и уплаты крестьянами процентов по этим ипотекам государству, превращения арендных

взносов в государственный налог, ограничения наследственного права, введения прогрессивно-подходного налога и отмены налогов на предметы потребления, основания национальных мастерских, провозглашения права на труд для всех взрослых и прав на существование для всех неспособных к труду, бесплатного народного образования.

Таким образом, мы видим, что требования, выдвинутые Марксом во время буржуазной революции в Германии, далеко не исчерпывали коммунистической программы и были гораздо умереннее тех мероприятий, которые «Коммунистический Манифест» рекомендовал для более передовых стран после того, как пролетариат завоюет там политическую власть. Авторы воззвания видимо считались с экономической и политической отсталостью Германии. С другой стороны, они теперь старались отыскать общую почву для совместных действий пролетариата и мелкой буржуазии. Циркуляр центрального комитета выдвигает целый ряд ближайших требований, общих для пролетариата, мелкой буржуазии и революционного крестьянства. С этого момента тактика Маркса во время буржуазной революции в Германии намечается как коалиция пролетариата и буржуазно-революционной демократии.

В какой же форме должно было выразиться активное вмешательство коммунистов в германскую революцию? В то время среди немецких эмигрантов господствовала мания «революционных легионов». Поэт Гервег, верный старой маццинистской ¹⁾ тактике, набирал в Париже немецкий легион, который должен был вторгнуться в Германию, чтобы поднять там народное восстание. Буржуазное французское временное правительство охотно содействовало формированию всех этих польских, немецких, испанских, итальянских и т. д. легионов, чтобы поскорее отделаться от беспокойных эмигрантов, и в то же время головой выдавало их реакционным правительствам. Маркс мужественно восстал против этой мании на народных собраниях в Париже, разоблачая всю опасность и безнадежность этой новой авантюры, сводившейся к «насильственному

¹⁾ Джузеппе Маццини (1808—1872)—итальянский буржуазный революционер, пытавшийся добиться революции в Италии путем организации заговоров и вооруженных экспедиций.

ввозу революции» в Германию. Последствия доказали всю справедливость предостережений Маркса.

Вместо революционных легионов марксисты рекомендовали своим единомышленникам возвращаться поодиночке в Германию и всюду примыкать к местным движениям, действуя в качестве революционного бродила. Таким образом им удалось переправить в Германию окол 300—400 эмигрантов, в том числе большинство членов Союза Коммунистов. Последний естественно распался, но события, говоря словами Энгельса, доказали, какой «превосходной школой революционной активности» он был. Во всех центрах наиболее решительного движения марксисты действовали с той сознательностью и энергией, которая делала из них «самую решительную часть рабочих партий всех стран». В Бреславле действовал Вильгельм Вольф, в Берлине—бывший член брюссельского рабочего кружка Стефан Борн; в Гамбурге, Бремене, Лейпциге и т. д.—всюду действовали бывшие члены Союза Коммунистов в качестве практических руководителей и теоретических голов движения.

Но центром революционного движения была Рейнская область, наиболее развитая в экономическом и политическом отношении и вдобавок пользовавшаяся большей свободой печати (здесь действовал Наполеоновский кодекс). ¹⁾ Маркс и Энгельс с несколькими близкими друзьями отправились в столицу Рейнской области, в Кельн, где крайние демократы и некоторые социалисты подготавливали издание большой политической газеты. Сплоченному кружку марксистов удалось заполучить этот орган, «Новую Рейнскую Газету», в свои руки. Во главе ее стоял Карл Маркс в качестве главного редактора, а сотрудниками были Бюргерс, Дронке, Энгельс, Георг Верт. Фердинанд Вольф и Вильгельм Вольф. Бюргерс был принят в редакцию по настоянию буржуазных демократов; как остроумно замечает Меринг. «он должен был явиться тормазом в колеснице, фактически же стал пятым колесом в ней». Первый номер газеты вышел 1-го июня 1848 г.

«Новая Рейнская Газета» называла себя «органом демократии». Считаясь с тогдашней отсталостью германских общественных отношений, с одной стороны, и не потерявши еще на-

¹⁾ Свод законов, изданный при Наполеоне I (в 1804—1810 г.г.) и формулировавший законодательные нормы буржуазного права, вытекшего из Великой Французской революции.

дежд на революционную активность немецкого мещанства, с другой, Маркс со своими друзьями не спешил резко отмежеваться от буржуазной демократии, а, напротив, сделал попытку политического сотрудничества с радикалами. Если бы они поступили в тот момент иначе, то, как заметил впоследствии Энгельс, им пришлось бы доктринерствовать насчет коммунизма в какой-нибудь захудалой газетке и вместо серьезного политического влияния занять положение проповедующей в пустыне маленькой секты. Эта перспектива страшила их, и вот почему они решили примкнуть к крайнему левому крылу революционной демократии для того, чтобы толкать его вперед в интересах пролетариата. Для правильной исторической сценки тогдашней тактики коммунистов не следует забывать, что, во-первых, у них не было еще никакого практического опыта, а во-вторых, что им пришлось действовать в крайне отсталой экономической обстановке, при слабости пролетариата, при отсутствии организации и классового сознания у рабочих масс.

Политическое сотрудничество с буржуазной демократией отнюдь не могло заставить Маркса пойти на какие бы то ни было компромиссы или молчать о своем действительном отношении к вещам и событиям. Он не только беспощадно разоблачал все промахи и преступления умеренного либерализма, но не щадил и своего союзника—радикальное мещанство. Он не скрывал, что, временно выставляя общий с буржуазной демократией лозунг демократической республики, коммунисты не отказываются от борьбы за более высокий общественный идеал: лишь тогда, когда будет завоевана черно-красно-золотая республика, начнется настоящая оппозиция коммунистов, на этот раз против радикальной буржуазии. В первый же месяц своего существования «Новая Рейнская Газета» высказала свои настоящие симпатии по поводу расправы парижской буржуазии с побежденными июньскими борцами. «Минутное торжество грубой силы куплено уничтожением всех обманов и иллюзий февральской революции, распадением французской нации на две нации—нацию собственников и нацию рабочих. Эта глубокая пропасть не должна внушать демократам мысли, что борьба за государственную форму прозрачна и бессодержательна. Коллизии, вытекающие из условий самого буржуаз-

ного общества, приходится проделать путем борьбы, от них нельзя отделаться фантазиями. Лучшая государственная форма не та, в которой общественные антагонизмы затушевываются, где они скованы насильственно, следовательно, устранены лишь искусственно, лишь по видимости, а та, где они получают, наоборот, возможность свободно бороться и, таким образом, притти к разрешению. Нас спросят: неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова в пользу тех жертв, которые погибли от народной ярости, в пользу национальной гвардии, подвижной гвардии, республиканской гвардии, линейных войск? Государство позаботится об их вдовах и сиротах, правительственные декреты превознесут их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса объявит их бессмертными, европейская реакция от востока до запада воздаст им почести. Но плебеи—они истерзаны голодом, они оскорбляемы печатью, покинуты врачами, «честные» люди ругают их ворами, поджигателями, каторжниками, их жены и дети повергнуты в еще более безмерную нищету, а лучшие из оставшихся в живых сосланы за море. И обвить лавровый венок вокруг их грозномрачного чела есть привилегия, есть право демократической печати». Итак, Маркс советовал демократии в классовой борьбе буржуазии с пролетариатом встать на сторону последнего.

Пока он не успел еще отказаться от своих надежд на демократию, т. е. на ту пеструю политическую массу, в которой объединялись сознательные слои пролетариата с радикально настроенными представителями мелкой буржуазии и крестьянства. Что же касается крупной либеральной буржуазии, то Маркс скоро мог убедиться, что его надежды на способность этого класса повторить в Германии те блестящие исторические деяния, которыми прославилась французская буржуазия в борьбе со старым режимом, что эти надежды приходится оставить. Маркс увидев, что немецкая буржуазия, вынесенная революционной волной на поверхность исторического водоворота, гораздо больше боится революционного народа, чем реакционного правительства. Все силы своего сарказма он обратил против буржуазных примиренцев, которые пытались установить соглашение с старым порядком в то время, как демократические слои народа продолжали бороться с ним, а монархия, уже успевшая оправиться от первого смущения, начала вновь

собирать свои силы, чтобы одним ударом лишить народ всех плодов его мартовской победы.

Сравнение героической французской буржуазии эпохи Великой Французской Революции с поведением ее младшей немецкой сестры наводит Маркса на самые печальные размышления: «Во Франции,—говорит он,—буржуазия стала во главе контр-революции только после того, как она ниспровергла все препятствия, мешавшие ее классовому господству. В Германии же она уныло плетется в свите абсолютной монархии и феодализма, прежде чем успела обеспечить основные условия своей собственной буржуазной свободы и господства. Во Франции она выступает в роли деспота и проделывает собственную контр-революцию; в Германии же она выступает в роли рабыни и проделывает контр-революцию своих собственных деспотов. Во Франции она победила для того, чтобы давить народ. В Германии она сама себя подавила для того, чтобы народ не победил».

Подсказывая буржуазии, какого поведения ей следовало бы держаться даже в своих собственных классовых интересах, Маркс вряд ли надеялся на то, что его голос будет услышан представителями «парламентского кретинизма»; через головы примиренческих доктринеров он обращался к активной демократии: он, так сказать, интересовался не столько парламентской, сколько агитационной стороной дела.

Когда собралось Учредительное Собрание, вышедшее из общенародных выборов, Маркс, выражая заветную мечту крайней демократии, намечал следующую тактику, какой, по его мнению, должно было держаться Национальное Собрание: первым актом Национального Собрания должно было бы быть открытое и ясное провозглашение того самодержавия немецкого народа, которое он себе завоевал на улицах городов, особенно на баррикадах Вены и Берлина, и которое он выразил в выборах депутатов в Учредительное Собрание. Вторым его актом должна была быть выработка германской конституции на основе народовластия и устранение из области фактически существующих в Германии отношений всего того, что противоречит принципам самодержавия народа. В продолжение всей своей сессии оно должно было бы принимать необходимые меры к тому, чтобы расстроить все реакционные попытки, к тому, чтобы укрепить революционную позицию, на которой

оно стояло, к тому, чтобы обеспечить от всяческих покушений главное завоевание революции—самодержавие народа.

Маркс прекрасно понимал, что «окончательное государственное устройство не может быть декретировано, что оно совпадает с движением, которое нам надо пройти. Дело идет, следовательно, не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи, а о понимании хода развития. Национальное Собрание должно делать лишь ближайшие, практически возможные шаги». В действительности оно не поняло своего положения, как органа революционной воли народа; оно отреклось от той почвы, из которой оно единственно почерпало силу и авторитет, от почвы революции, а стало на почву права, на почву исторической преемственности, на почву соглашения со старыми силами. Оно утомляло немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им. «Не являясь хотя бы в отдаленной степени главным органом революционного движения, оно до сих пор не было даже эхом его». Словом, оно вело себя, как все учредительные собрания эпохи буржуазных революций.

Маркс понимал, что «господство крупной буржуазии в Пруссии является неизбежной переходной ступенью к господству демократии», но он скоро должен был констатировать тот факт, что германская, в частности прусская, крупная буржуазия политически обанкротилась и оказалась неспособной обеспечить условия своего собственного классового господства. «Даже только с буржуазной точки зрения полное объединение Германии является первым условием для того, чтобы спасти ее от нынешнего жалкого положения и создать почву для роста национального богатства. А как же разрешить современные социальные проблемы на территории, раздробленной на 39 маленьких стран?» Довести до конца объединение Германии крупная буржуазия оказалась неспособной.

Во всех буржуазных революциях размах движению придает судорожное содрогание крестьянства, рвущегося из феодальных оков. И в этом отношении немецкая буржуазия, уже пораженная старческой немощью, оказалась неспособной понять свои собственные интересы и, соединившись с крестьянством, нанести решительный удар силам реакционного феодального землевладения. «Революция в деревне,—как говорит

Маркс,—состояла в действительном уничтожении всех феодальных повинностей. «Министерство действия» (министерство Ганземана), которое в принципе признает революцию, признает ее в деревне таким образом, что тут же на месте ее уничтожает. Вернуть весь старый status quo невозможно; крестьяне без дальних слов перебили бы феодальных баронов,—это ясно самому господину Гирке (министр земледелия). Поэтому торжественно уничтожают ряд незначительных, только кой-где существующих феодальных налогов и восстанавливают снова главные феодальные повинности, которые заключаются в одном слове—**б а р щ и н а**».

Далее идет вывод, убийственный для германской буржуазии и ее политического смысла: «Немецкая революция 1848 года есть лишь пародия французской революции 1789 года 4-го августа 1789 года, три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности. 11-го июля 1848 года, четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ—свидетели Гирке с Ганземаном. Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников-крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного и владеющего землей крестьянского класса. Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства».

Маркс доказывал, что главный недостаток немецкой революции, позволивший «взять ее под сомнение», заключался в том, что «она была революцией лишь наполовину, что она была лишь началом длительного революционного движения». Результаты революции получились следующие: с одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа, а с другой стороны—сохранение монархии и министерство Кампгаузена-Ганземана, т.-е. правительство либеральных представителей крупной буржуазии. Революция имела, таким образом, двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были притти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы ярко демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в

руки крупной буржуазии. Революция не была доведена до конца. Народ допустил образование министерства крупных буржуа, а крупные буржуа тотчас же обнаружили свою подоплеку, предложив союз старопрусскому дворянству и бюрократии... Крупная буржуазия, анти-революционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.е. перед рабочими и демократической буржуазией.

Маркс предостерегал либеральную буржуазию, он предсказывал ей, что, как только реакция укрепитя при содействии либеральных соглашателей, она немедленно выбросит их вон, как выжатый лимон. Пророчество Маркса исполнилось. Укрепившись в своих окопах, внося раздор в лагерь революции и парализовавши революционные порывы народа, покинутого на произвол судьбы буржуазными примиренцами, правительство поспешило отделаться от министерства Кампгаузена, которое до тех пор прикрывало контр-революцию своим либерально-буржуазным плащом. Почувствовав себя достаточно сильной, контр-революция поспешила сбросить маску: министерство либеральных соглашателей оказалось «обманутым обманщиком». Как говорил про него Маркс,—находясь на службе у крупной буржуазии, оно должно было стараться лишить революцию ее демократических завоеваний; находясь в борьбе с демократией, оно должно было заключить союз с аристократической партией и стать орудием ее контр-революционных замыслов, а когда аристократическая партия оказалась достаточной сильной, то она выбросила за борт своего союзника. «Господин Кампгаузен посеял реакцию в духе крупной буржуазии и пожал реакцию в духе феодальной партии. Его добрые намерения сводились к первой, злой рок привел ко второй. Подайте на грош популярности разочарованному человеку!».

Особенно старался Маркс предостеречь от роковых и непоправимых политических ошибок широкие слои демократии. Он доказывал, что буржуазия не в состоянии утвердить своего собственного господства, не заручившись содействием народных масс и не ставши на широкий демократический путь; он беспощадно разоблачал неопределенность и расплывчатость самых на первый взгляд крайних радикальных программ. «Новая Рейнская Газета» подвергла безжалостной критике

дебаты берлинского национального собрания и франкфуртского собрания, где «парламентский кретинизм» свил себе прочное гнездо. Маркс старался объяснить левой, что старый режим охотно предоставляет ей маленькие парламентские победы и большие конституционные проекты, стараясь в то же время удерживать в своих руках главные орудия господства: полицию, армию, народное сознание. Он указывал на то, что монархия может спокойно в парламенте признавать революцию, если только за стенами парламента она эту самую революцию обезоруживает. «Левая,—говорил он предостерегающим тоном,—может в одно прекрасное утро убедиться, что ее парламентская победа и ее действительное поражение совпадают».

Маркс убеждал демократию бросить свою половинчатую политику и приступить к решительным действиям. Он приветствовал стремления граждан к организации и вооружению. 14-го июня берлинский народ, возмущенный поведением примиренцев, напал на цейхгауз, взял его приступом и вооружился. «Народ,—как заметил Маркс,—желает иметь гарантии против собрания и знает, что оружие—это наилучшая гарантия». Во время штурма берлинского цейхгауза были уничтожены некоторые старые знамена и военные реликвии. Когда истинно-прусские патриоты разразились по этому поводу целым потоком жалких слов, «Новая Рейнская Газета», напротив, похвалила берлинское население, которое, по ее мнению, выказало при этом вполне правильный такт: «Население Берлина, растоптав ногами знамена, взятые при Лейпциге и Ватерлоо, отреклось от так называемых освободительных войн. Первое, что немцы должны делать во время своей революции, это—рвать со своим позорным прошлым» ¹⁾.

Смотря на революцию 48 года как на переворот общеевропейского значения, «Новая Рейнская Газета» начертала перед немецкой демократией широкую программу международной политики. Маркс всегда считал крупным недостатком демократии вообще и социализма в частности то, что они сравнительно мало внимания уделяли вопросам внешней политики. А между тем для придания прочности революцион-

¹⁾ Вместе с тем, орган Маркса все время предостерегал население против несвоевременных и разрозненных вспышек и убеждал не поддаваться до поры до времени на все провокации правительства.

ным завоеваниям необходимо вырвать из рук старого режима его последнее оружие—международную дипломатию. Грандиозный план демократического преобразования Европы, намеченный в то время кружком марксистов, группировавшихся вокруг «Новой Рейнской Газеты», так же не получил осуществления, как и революционное преобразование внутренних отношений самой Германии.

Эта программа требовала свободной Польши, свободной Италии, свободной Венгрии, но, вместе с тем, она относилась крайне отрицательно к панславизму.—даже в его революционном выражении, какое ему старался придать Бакунин. В панславизме она усматривала исключительно сознательные или бессознательные реакционные стремления, направленные против освободительных порывов европейских народов и эксплуатируемые царским правительством в своих полицейских интересах. Газета указывала на то, что единственный из всех славянских народов, отличавшийся в то время революционным характером, а именно—поляки, стоят в стороне от панславизма и даже относятся к нему отрицательно. Она отмечала то обстоятельство, что славяне нигде не принимали серьезного участия в революционном движении 1848 г. «В то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, венгры подняли знамя революции, славяне встали, как один человек, под знамя контр-революции,—впереди всех южные славяне, которые уже много лет раньше защищали свои контр-революционные возжеления против венгров, затем чехи ¹⁾), а позади них, в боевом вооружении, готовые в решительный момент появиться на поле брани, русские».

Не следует забывать, что тогдашняя крепостная Россия была позвоночным столбом европейской реакции. Немецкие демократы были даже уверены, что без войны с царской Россией дело не обойдется. «Новая Рейнская Газета» не переставала напоминать об опасности, которая грозила немецкой демократии со стороны царского правительства. В июне 1848 г. она восклицала: «Царь стоит перед воротами Торна!» И действительно, как об этом стало известно через 30 лет, в это время Николай I предлагал прусской камарилье по-

¹⁾ Но когда в июне 1848 г. вспыхнуло восстание в Праге, газета приняла сторону чехов в Богемии точно так же, как она принимала сторону поляков в Познанж и итальянцев в Ломбардии.

мощь русской армии для подавления немецкой революции. Демократы предвидели вмешательство России, как это через год и случилось во время венгерской революции. В интересах внутреннего освобождения Германии газета Маркса требовала войны с главным оплотом тогдашней европейской реакции. «Лишь война с Россией есть война революционной Германии. В ней она может смыть грехи своего прошлого, в ней она может окрепнуть и победить своих собственных самодержцев, в ней она, как это подобает народу, сбрасывающему с себя цепи долгого покорного рабства, купит жизнью своих сынов пропаганду цивилизации и освободит себя в пределах собственного государства, освобождая народы вне их».

Здесь кружок Маркса воспринимает программу «революционной пропаганды», которую в свое время выставила французская демократия во время европейских войн революционного периода. Для укрепления французской республики признавалось необходимым понести знамя восстания во все страны Европы, всюду содействуя освобождению народов и ниспровержению «тиранических» правительств. С той поры доктрина «революционной пропаганды» вошла в плоть и кровь французской и, вместе с тем, европейской революционной демократии. — и главным членом этого символа веры было восстановление свободной Польши. Возрождение Польши представлялось тогда безусловно необходимым в интересах европейской революции, которая в своем развитии естественно наталкивалась на русского колосса, а для парализования этого колосса польское восстание было как-нельзя более кстати. Вот главная причина той широкой популярности, которою пользовалось польское дело в 30-х и 40-х годах XIX века среди европейских демократов. Революционная Германия, непосредственная соседка царской России, особенно заинтересована была в освобождении Польши, тем более, что и сама прусская реакция в значительной степени основывалась на владении обширной частью польской территории. «Покуда мы помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии, — так писала газета Маркса, — до тех пор мы прикованы к России и русской политике, до тех пор мы не можем сломить у себя патриархально-феодального абсолютизма».

На Англию, вопреки либеральной традиции, Маркс не возлагал особых надежд в деле содействия европейскому освобо-

длительному движению. «Страна, превращающая в своих пролетариев целые народы, охватывающая своими гигантскими щупальцами весь мир, своими деньгами уже покрывшая однажды издержки по европейской реставрации, страна, в собственных пределах которой классовый антагонизм принял наиболее выраженную, наиболее циничную форму,—Англия кажется утесом, о который разбиваются революционные волны; она морит голодом новое общество еще во чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента и даже на всем европейском континенте, но без Англии, —не более, как буря в стакане воды».

Всякое европейское революционное движение, окрашенное духом французского социализма, неминуемо натолкнется на мировое господство Великобритании. А именно такое социалистическое движение являлось тогда, по мнению Маркса, очередным вопросом дня. Маркс прекрасно понимал, что июньское поражение парижского пролетариата означало поворотный пункт в революции 1848 года: с этого момента опасность начала угрожать, во-первых, всем буржуазным революциям в Европе, а во-вторых, всем национальностям, которые в 1848 году пытались добиться своего освобождения. Все успехи венгерской революции не будут иметь никакого исторического значения, если ее не поддержит восстание французского пролетариата, которое будет, вместе с тем, и низвержением французской буржуазии и освобождением рабочего класса вообще. Но такая победа французского пролетариата прежде всего вызовет всемирную войну. В этой войне старая Англия потерпит поражение, а чартистская партия ¹⁾ получит возможность захватить власть в свои руки. «Чартисты во главе английского правительства—лишь в этот момент социальная революция переходит из области утопии в область действительности».

У французского пролетариата не хватило сил, а венгерская революция была подавлена русскими войсками.

Тем временем в самой Германии дело быстро приближалось к роковой развязке. Умножались признаки осмеления

¹⁾ Чартизм—политическое движение английских рабочих в первой половине 19-го века, окрашенное революционным цветом и на своем левом крыле граничившее с коммунизмом.

реакции, повидимому, решившейся перейти в открытое наступление. Маркс предостерегал буржуазию от иллюзий. Борьба между двумя непримиримыми силами, народным представительством и старой властью, неминуемо должна была закончиться поражением и порабощением одной из двух борющихся сторон. Он писал: «Если победит Национальное Собрание, если оно назначит левое министерство, тогда будет сломлена власть короны, противостоящая власти Национального Собрания, тогда король превратится лишь в состоящего на жалованьи слугу народа, тогда мы вновь переживем день 19 марта... Если же победит министерство принца Прусского, то Национальное Собрание будет распущено, право собраний уничтожено, пресса подавлена, будет объявлено избирательное право, основанное на имущественном цензе,—и все это произойдет под охраной военной диктатуры, пушек и штыков. Победа той или другой стороны будет зависеть от поведения демократической партии. Пусть демократы решат, как им поступить!».

Наконец, восставшая Вена пала, и «Новая Рейнская Газета» отметила ее падение в следующих словах: «В Вене только-что был поставлен второй акт драмы, первый акт которой играли в Париже, под названием: июньские дни. В Париже—подвижная гвардия, в Вене—кроаты, в обоих лаццарони, вооруженный и подкупленный босаяцкий пролетариат против трудового и мыслящего пролетариата. В Берлине мы будем скоро переживать третий акт».

• Этим третьим актом был разгон берлинского собрания. Предвидя эту возможность, Маркс писал: «Так как Национальное Собрание равноправно короне, то корона не имеет никакого права распускать Национальное Собрание. В противном случае и Национальное Собрание имело бы право низложить короля. Роспуск парламента означает государственный переворот. А как отвечают на государственный переворот, это доказал день 29 июля 1830 г. и 24 февраля 1848 года».

Самым резким образом Маркс выступил против сплетен камарильи и буржуазии по поводу того, будто возбужденная народная масса мешает «свободе обсуждения» парламента. Он указывал на то, что право демократически настроенных народных масс оказывать моральное давление на действие «учредитель-

ных собраний есть старое революционное право, которому революции обязаны были своими главнейшими завоеваниями. Где друг против друга стоят две готовые на решительную борьбу силы, там народным представителям остается либо стать под защиту народа и время от времени терпеливо выслушивать маленькую нотацию, либо стать под защиту короны и заседать под охраной штыков и осадного положения. Но тогда им придется примириться с тем, что на этот раз их «свобода обсуждения» будет уничтожена штыками и пушками.

Когда правительство начало гнать Национальное Собрание, последнее решило, наконец, применить тактику пассивного сопротивления, в виде отказа от уплаты налогов. «Новая Рейнская Газета» не удовлетворялась этой тактикой, находя, что пассивное сопротивление, если оно не опирается на активное, похоже на сопротивление ягненка мяснику; в ежедневных статьях она призывала народные массы противопоставить силе силу. Правительство, писал Маркс, задевает не только народ, но и буржуазию: поэтому его надо победить буржуазным способом, т.-е. взять его голодом; а голодом его можно взять, отказавшись от платежа налогов. Но этого мало. «Мы никогда не скрывали,—писал Маркс,—что наша почва есть не правовая, а революционная. Само правительство постаралось отделаться от всячески стеснявшей его правовой почвы. Оно стало на революционную почву, ибо и контр-революционная почва революционна».

Рейнская область, где работали Маркс и его ближайшие друзья, была центром демократического сопротивления. Особенно энергичную деятельность развивал Кельнский Демократический комитет, вышедший из демократических съездов, на которых объединялись буржуазно-демократические и рабочие организации. Кельнская демократия была организована в три большие союза, насчитывавшие каждый по несколько тысяч человек: во главе «Демократического Общества» стояли Маркс и адвокат Шнейдер; «Рабочим Союзом» руководили бывшие члены Союза Коммунистов Молль и Шалпер, а во главе «Союза Работодателей и Рабочих» стоял Герман Беккер. Названные выше пять лиц составили центральный комитет, который на съезде рейнских и вестфальских демократических союзов в Кельне (август 1848) признан был окружным демократиче-

ским комитетом для Рейнской Провинции и Вестфалии. Таким образом, среди рейнской демократии явно преобладали коммунисты. Комитет развил энергичную деятельность; устроен был целый ряд народных митингов, на которых выступали Вильгельм Вольф, Шаппер, Энгельс и начинавший тогда свою политическую карьеру Лассаль.

И вот, когда берлинское собрание высказалось за отказ от уплаты налогов, окружной демократический комитет в воззвании от 18 ноября, подписанном Марксом, Шаппером и Шнейдером, предложил демократическим союзам программу решительных действий, которая, начиная от пассивного сопротивления, постепенно переходила к довольно активным мерам. Воззвание предлагало демократии вооружать население, всеми способами противодействовать насильственному взиманию налогов, образовать комитеты общественной безопасности и в случае нужды захватить коммунальные советы. Революционная инициатива рейнцев не могла послужить толчком к широким активным выступлениям народных масс, так как буржуазия и ее орган—Национальное Собрание—малодушно бежали с поля битвы. Правительство, сосредоточившее в мятежной области многочисленные военные силы, без труда подавило сопротивление рейнцев.

Против лиц, подписавших воззвание рейнского демократического комитета, возбуждено было преследование за призыв к вооруженному сопротивлению войскам и агентам правительства. 8 февраля 1849 года они предстали перед кельнским судом присяжных. Народ уже заранее произнес свой приговор, избрав за 14 дней перед этим обвиняемого Шнейдера депутатом от города Кельна.

Центральным пунктом процесса явилась защитительная речь Карла Маркса. В этой речи Маркс разъясняет ту тактику, которой он и его единомышленники держались во время революционного периода 1848 года. Во-первых, он защищает революционную точку зрения и разоблачает лицемерную законность правительства, доказывая прокурору, что правительство не имеет права ссылаться на те законы, которые оно само раньше растоптало ногами. Во-вторых, он выясняет буржуазным присяжным, что те деяния, за которые он, коммунист, стоит перед ними в качестве обвиняемого, в сущности составляют исто-

рическую задачу и призвание буржуазии. Вопрос заключается в том, кто должен господствовать: группирующиеся ли вокруг абсолютной монархии общественные силы—крупное землевладение, армия, бюрократия и духовенство,—или буржуазия? Начинаящий еще только развиваться пролетариат постольку заинтересован в этой борьбе, поскольку победа буржуазии доставит ему простор для его дальнейшего развития и для борьбы за свои классовые интересы. Но в действительности буржуазия оказывается неспособной к активной борьбе за свои собственные классовые интересы: она равнодушно смотрит на то, как реакционное правительство разгоняет ее парламент, обезоруживает ее гражданскую гвардию, а ее самое подчиняет осадному положению. Тогда выступают коммунисты и призывают буржуазию исполнить ее обязанность, ибо по отношению к старому феодальному обществу буржуазия и пролетариат солидарны, так как они образуют новое общество.

Обвиняемые были, конечно, оправданы присяжными...

Опыт революционного года заставил Маркса поколебаться в правильности избранной им тактики. Как мы видели, эта тактика сводилась к коалиции между буржуазной демократией и социалистами, которые ставили себе целью толкать первую как можно сильнее влево в интересах пролетариата... Исходя из того положения, что, по отношению к до-капиталистическому режиму, буржуазия и пролетариат образуют одно новое общество, и надеясь на то, что немецкая буржуазия, подобно французской, пожелает и сумеет выполнить свою историческую миссию, т.-е. радикальным образом разрушить феодальные отношения, Маркс и его друзья хотели идти рядом с буржуазией и сознательно заняли место на левом фланге буржуазной демократии, отличаясь от последней лишь большей крайностью своих политических требований. Но скоро им пришлось убедиться, что они идеализировали немецкую буржуазию, и что последняя оказалась политическим банкротом. Революция была совершена рабочими и некоторыми радикальными слоями мелкой буржуазии; буржуазия же в целом только терпела революцию, не обнаруживая в борьбе за свои исторические задачи ни увлечения, ни решимости, ни даже искренности.

«Немецкая буржуазия,—писал Маркс,—развивалась так лениво, вяло и медленно, что в ту минуту, когда она грозно выступила против феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась с грозно выступившим против нее пролетариатом и всеми теми частями общества, интересы и идеи которых совпадали с интересами пролетариата. И не только стоявший за нею класс смотрел на нее враждебно,—вся Европа встретила ее недружелюбно. Прусская буржуазия не была, как французская в 1789 году, классом, который являлся заступником интересов современного ему общества перед представителями старого общества, перед королевской властью и дворянством. Буржуазия опустилась до положения сословия, с ясно определенной позицией как против короны, так и против народа. Она была оппозиционно настроена против обоих своих противников и нерешительна по отношению к каждому из них в отдельности, потому что она всегда видела и того, и другого перед собою. Это было сословие, с самого начала готовое изменить народу и пойти на компромисс с коронованными представителями прежнего общественного строя, потому что буржуазия сама вся принадлежала прежнему общественному строю... Без инициативы, без веры в себя самое, без веры в народ, без всемирно-исторической миссии, она походила на проклятого старика, осужденного на то, чтобы в собственных старческих интересах руководить первыми порывами мощного народа. Слепой, глухой, беззубой и дряхлой—вот какой оказалась прусская буржуазия у кормила прусского государства после мартовской революции».

Разочарование в политической зрелости буржуазии заставило Маркса склониться к той мысли, что в Германии немислимы чисто-буржуазная революция и утверждение буржуазного господства в форме конституционной монархии, а возможны только феодально-абсолютистская реакция или революция социально-республиканская. С другой стороны, приходилось обратить больше внимания на классовую борьбу пролетариата и сильнее подчеркнуть специально пролетарскую сторону своего миросозерцания. Маркса иногда упрекали за то, что о рабочем движении, о классовой борьбе между германским пролетариатом и буржуазией «Новая Рейнская Газета» говорила очень мало. Маркс мог, конечно, ссылаться на то, что это молчание было не столько недостатком газеты, сколько

недостатком самой жизни, и что в тогдашней Германии классовая борьба между пролетариатом и буржуазией проявлялась очень слабо. Тем не менее, немецкое рабочее движение уже началось и стихийно развивалось. Стоит только вспомнить о деятельности Стефана Борна.

Борн, бывший член Союза Коммунистов, задумал создать обширную национальную федерацию рабочих синдикатов, делегаты которого составили бы рабочий парламент, играющий роль естественного представителя рабочего класса перед правительством. Ему удалось созвать несколько рабочих съездов, состоящих главным образом из ремесленников и приведших к образованию «Берлинского центрального комитета». Последний, будучи составлен по образцу центрального правления Союза Коммунистов, обсуждал проекты, а затем передавал их на рассмотрение делегатских, групповых и синдикальных собраний. С апреля до июня 1848 г. немецкий рабочий класс проявлял усиленную деятельность. В Гамбурге и Лейпциге также образовались выборные центральные комитеты, построенные по такому же иерархическому плану; в других местах основались пропагандистские рабочие фрейны. Основанному им «Рабочему Братству» Борн старался привить марксистскую программу. Ремесленный конгресс, собравшийся 18 июня 1848 г. в Берлине, под председательством Борна, внес в свою программу право на труд и право на существование для неспособных к труду, введение прогрессивно-подходного налога, ограничение наследственного права, бесплатное народное образование и т. д. Целый ряд окружных съездов популяризовал эту программу в стране. Рука об руку с политической организацией шло широкое профессиональное и кооперативное движение, подавить которое удалось только наступившей с 1849 года реакции. Как говорит Энгельс, «в ход были пущены стачки, ремесленные товарищества, производительные товарищества». Правда, Энгельс прибавляет: «при этом забывалось, что прежде всего дело идет о том, чтобы путем политических побед сначала завоевать то поле, на котором только и осуществимы прочно эти вещи». Но тем не менее, как замечает Андлер, «везде, где политическим вольностям угрожала опасность, центральный комитет Рабочего Союза предлагал оружие, людей и деньги. 22 ноября 1848 г. он предложил свою кассу в распоряжение прусского Национального

Собрания, которому угрожали происки реакционеров. В Саксонии и Бадене рабочий союз доставлял агитаторов и революционных вождей. Разве не тот же Борн командовал в Дрездене во время майского восстания 1849 года и, продержавшись четыре дня против прусской армии, сумел увести свой повстанческий отряд через Богемию и таким образом сохранить его для баденской революции?».

Как бы там ни было, к концу революционного года две основные струи освободительного движения, буржуазно-демократическая и рабочая, начали расходиться в разные стороны. Естественно, что симпатии Маркса принадлежали пролетариату, тем более, что к этому моменту он уже успел в значительной степени разочароваться в революционном значении демократической буржуазии. В Демократическом Обществе постепенно начал назревать раскол. Еще 17 сентября громадное народное собрание, состоявшее из 10.000 человек и собравшееся в Борингене на лугу у Рейна, высказалось за демократическо-социальную «красную республику» (на этом собрании говорили Энгельс, Шаппер, Вильгельм Вольф и Лассаль). Падение Вены и ноябрьские события в Берлине на время отсрочили вопрос о расколе демократической коалиции, но уже в апреле 1849 года этот раскол сделался совершившимся фактом.

14 апреля 1849 года Маркс, Шаппер, Беккер и Аннеке, замесивший Молля, выступили из комитета. Маркс указывал, что его шаг вызван слишком пестрым составом социальных элементов, входящих в демократическую организацию, и высказывал ту мысль, что необходимо создать широкую организацию рабочих союзов, состоящих из однородных социальных элементов, и что коммунисты должны отделиться от демократов также и в других областных комитетах. Вместе с тем, из федерации рейнских демократических союзов выступил и кельнский рабочий союз. Первым шагом отколовшейся организации было решение созвать областной съезд рабочих союзов и других обществ, примыкающих к социальной демократии, в целях объединения рейнско-вестфальских рабочих ферейнов и избрания делегатов на обще-германский съезд рабочих организаций, созданный на июнь в Лейпциге «Рабочим Братством». Кельнский рабочий союз избрал для этого временный

комитет, в состав которого вошли, между прочим, Шаппер, Вольф и Карл Маркс.

Таким образом, в деятельности Маркса начиналась новая полоса тесного участия в чисто-пролетарском движении. Прежние его попытки выяснить буржуазии ее революционные задачи привели лишь к тому, что он оттолкнул от себя буржуазную публику, которая меньше всего хотела выполнять навязанную ей историческую миссию. Но зато Маркс и его товарищи завоевали симпатии трудящихся масс. «Новая Рейнская Газета», теряя читателей среди буржуазной демократии, в то же время пускала все более глубокие корни среди рабочих. Рабочий класс заявил о своем желании взять в свои руки знамя демократии, которое буржуазия выпустила из своих рук; вместе с тем, пролетариат явно отказывался ждать, пока буржуазия выполнит свою историческую миссию, чтобы лишь после того начать борьбу за свои пролетарские цели. Под конец «Новая Рейнская Газета» начинает приобретать все более пролетарский характер. Маркс печатает там свои лекции о наемном труде и капитале, которые он некогда читал в Брюссельском рабочем фрейе, а Вильгельм Вольф пытается поднять сельский пролетариат Восточной Пруссии своими статьями о силезских миллиардах.

Но эта новая и столь интересная полоса в деятельности Маркса была насильственно оборвана восторжествовавшей реакцией. Последнее содрогание немецкого народа, заковываемого в старые цепи, выразилось в майских восстаниях, вспыхнувших в 1849 году в различных частях Германии. «Новая Рейнская Газета», решительно взявшая сторону майских инсургентов, была закрыта правительством, а сам Маркс, переставший быть прусским подданным еще в 1845 году, получил приказ о высылке из прусских пределов за возбуждение к «ниспровержению существующего строя и введению социальной республики». В своем прощальном номере, вышедшем 19 мая 1849 года и напечатанном красными буквами, редакция прощалась с кельнскими рабочими. Эта прощальная заметка кончается словами: «Сотрудники «Новой Рейнской Газеты» на прощанье благодарят вас за проявленное к ним участие: Их последним словом всегда и везде будет: освобождение рабочего класса!». Сам Маркс заклеил принятую про-

тив него меру следующими словами: «К чему ваши лицемерные фразы, ищущие небывалого предлога? Мы беспощадны и не требуем также никакой пощады от вас. Когда черед дойдет до нас, мы не будем прикрашивать нашего терроризма, но роялистские террористы, террористы божьей милостью и милостью закона, они на практике—грубы, презренны, низки, в теории—закоснелы, трусливы, двуязычны, в обоих отношениях бесчестны... Мы полагаем, что заслужили благодарность Рейнской провинции. Мы спасли революционную честь нашей родной земли».

IV.

Период реакции.

Маркс уехал в Париж, чтобы завязать сношение с Горой («социально-демократической» партией), которая в то время готовила восстание против реакционной «партии порядка» и президента Луи Бонапарта. 13 июня 1849 года мирная демонстрация, устроенная демократической национальной гвардией, была разогнана оружием, и началась травля крайних левых. Французское правительство собиралось сослать Маркса в глухой бретонский департамент Морбитан, но он предпочел уехать в Лондон. Надежда Маркса на революционный взрыв в Париже, который должен был подать сигнал к восстанию всем европейским радикалам, таким образом не осуществилась.

Очутившись в Лондоне, Маркс прежде всего постарался переварить и осмыслить тот обширный исторический материал, который дан был ему событиями революционных лет. Не сразу Маркс отказался от своих революционных чаяний. Разочаровавшись в крупной и мелкой буржуазии, Маркс продолжал еще верить в то, что пролетариат, на опыте убедившись в неспособности и злой воле буржуазии, возьмет на себя инициативу немедленного социального переворота. Маркс ожидал, что весной 1850 года во Франции начнется пролетарская революция, окрашенная социалистическим цветом. Он пришел к тому выводу, что отныне никакая революционная борьба в Европе не может привести к успеху, если она с самого начала не поставит чисто-социалистических лозунгов. Но французский пролетариат не восстал, в Германии свирепствовала ре-

акция—и Маркс, критически пересмотревши свои взгляды, принужден был по совести отказаться от надежд на близость социального переворота.

К этому выводу Маркс пришел не сразу. Очутившись за границей, он немедленно снова принялся за практическую деятельность. Союз Коммунистов был реорганизован и пополнен новыми силами; затем были восстановлены старые и завязаны новые связи с революционным крылом чартизма, с французскими социалистами, а также с польскими и венгерскими эмигрантами. Центральный комитет послал в Германию в качестве эмиссара Генриха Бауэра, который сумел привлечь к активной работе многих людей. В отдельных городах Германии появились снова руководящие кружки, находившиеся в сношениях с центральным комитетом.

В марте 1850 года центральный комитет обратился к членам Союза Коммунистов с циркулярным посланием, крайне интересным для характеристики тогдашних взглядов и настроения Маркса. По мнению составителей циркуляра, новый революционный взрыв неминуем и близок, при чем он может быть вызван или самостоятельным восстанием французского пролетариата, или вторжением Священного Союза в революционный Вавилон ¹⁾. Предательская роль, которую по отношению к народу играли в 1848 году либеральные буржуа, на этот раз перейдет к демократическому мешчанству, которое теперь занимает то же самое положение в оппозиции, как либеральные буржуа до 1848 года ²⁾. Рабочей партии рекомендуется держаться по отношению к мелкой буржуазной демократии следующей тактики: пролетариат идет вместе с нею против фракции, низвержение которой является ее целью, т.е. против партий крупной буржуазии; но он выступает против нее во всем, чем бы она хотела укрепить свою власть.

Демократическая мелкая буржуазия добивается только такого изменения общественных условий, которое приспособило бы современный строй к ее интересам. Ее политический идеал сводится к сокращению государственных расходов путем

¹⁾ Париж и вообще Франция.

²⁾ Таким образом опыт революционных годов 1848—49 заставил Маркса несколько изменить свой взгляд на мелкую буржуазию, которую он прежде готов был считать сплошь реакционной массой. Теперь он признал, что по отношению к крупной буржуазии она может в известных случаях выступать революционно, с демократическими лозунгами.

обуздания бюрократии и переложения главной массы налогов на крупных землевладельцев и капиталистов; к устранению давления крупного капитала на мелкий путем реорганизации народного кредита, ограничения наследственного права и передачи возможно большего числа работ в руки государства. Рабочим они готовы предоставить обеспеченное существование и более высокую заработную плату, но оставляют их в прежнем положении наемных рабочих; таким образом они думают подкупить рабочих более или менее замаскированной милостивей и сломить их революционную энергию подачками.

Этой программой пролетариат удовлетвориться не может; его задача заключается в том, чтобы сделать революцию непрерывной на все время, пока все более или менее имущие классы не будут вытеснены из своего господствующего положения, государственная власть завоевана пролетариатом, а главнейшие производительные силы сосредоточатся в руках объединенных рабочих всех стран. Для коммунистов дело идет не о реформировании частной собственности, а об ее уничтожении, не об ослаблении и затухании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Но так как не подлежит никакому сомнению, что с дальнейшим развитием революции мелкобуржуазная демократия в течение известного периода сохранит преобладающее влияние в Германии, то пролетариату и Союзу Коммунистов необходимо установить определенное отношение к ней: 1) в течение краткого до-революционного периода; 2) во время революции, которая доставит преобладание мелкой буржуазии; 3) после революции во время ее господства.

Нижеследующие указания циркулярного послания представляют такой блестящий образец революционной тактики пролетариата в период подготовки социального переворота, что мы приводим их довольно подробно. В значительной степени они предвосхищают ту тактику, которую проводил русский рабочий класс в промежуток между февральской революцией 1917 года и октябрьской. Эту же тактику с изменениями, вызываемыми различиями исторической обстановки и накоплен-

ным опытом, придется в значительной мере проводить и коммунистическим партиям всего мира при аналогичных условиях.

Итак, вот какие тактические идеи развивали Маркс и Энгельс в циркулярном послании:

«В ожидании революции угнетенная мелкая буржуазия протягивает руку рабочим, предлагая им образовать великую «единую оппозиционную партию». Подобное объединение недопустимо, так как пролетариат благодаря ему потерял бы свое самостоятельное, купленное тяжелыми усилиями, положение и снова пал бы до придатка буржуазной демократии. Пролетариат должен направить свою деятельность к тому, чтобы наряду с официальными демократами восстановить самостоятельную рабочую организацию, как тайную, так и открытую. На случай борьбы против общего врага не нужно никакого специального объединения. Как только явится необходимость прямой борьбы с таким противником, интересы обеих партий на этот момент совпадают, и объединение устанавливается само собой. Не во власти рабочих помешать мелкобуржуазным демократам держаться медлительной и нерешительной тактики, но в их власти затруднить им господство над вооруженным пролетариатом и продиктовать им такие условия, чтобы господство буржуазных демократов с самого начала носило в себе зерно гибели, а их последующее вытеснение пролетариатом из господствующего положения было значительно облегчено. Далекие от того, чтобы выступать против так-называемых эксцессов, примеров народной мести против ненавистных личностей или общественных зданий, с которыми связаны особенно ненавистные воспоминания, они должны не только относиться терпимо к этим примерам, но и брать руководство ими в свои руки. Во время борьбы и после нее рабочие должны при всяком случае, рядом с требованиями буржуазных демократов, выставлять свои собственные требования. А когда демократы приступят к реорганизации правительства, необходимо требовать гарантии для рабочих, в случае необходимости вынуждать эти гарантии и вообще заботиться о том, чтобы новые правители сделали все, какие только возможно, уступки и обещания.— самое верное средство скомпрометировать их. Рабочие должны

рядом с новыми официальными правительствами учреждать собственное революционное рабочее правительство, в виде ли общинных советов, городских дум или рабочих клубов и рабочих комитетов ¹⁾). Одним словом, с первого мгновения победы следует держаться тактики недоверия, и это недоверие должно направляться уже не против побежденной реакционной партии, но против своих прежних союзников, против партии, которая одна только хочет эксплуатировать общую победу.

Для борьбы с этой партией, которая начнет изменять рабочим с первого же момента победы, рабочие должны быть организованы и вооружены. Они должны попытаться организоваться самостоятельно в пролетарскую гвардию с выборными начальниками и выборным генеральным штабом. Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, самостоятельная и вооруженная организация рабочих и установление по возможности более затруднительных и компрометирующих условий для временного неизбежного господства демократии—вот главные пункты, которые пролетариат должен иметь в виду во время и после предстоящего восстания. Как только демократическая буржуазия захватит власть, она поспешит созвать национальное собрание. Против буржуазных кандидатов рабочие должны всюду выставлять собственных кандидатов, по возможности членов Союза. Необходимо немедленно организоваться по клубам и придать им централистический характер; во главе этой организации станет центральный комитет Союза Коммунистов. Вероятный конфликт между пролетариатом и буржуазией произойдет по поводу следующих пунктов: а) полная отмена феодализма; б) федеративная республика; в) социальные мероприятия:

а) Можно предвидеть, что демократия потребует раздробления феодальных поместий, т.-е. захочет сохранить существование сельского пролетариата и создать класс мелких крестьян по образцу мелких буржуа. Против этого плана рабочие должны выступить как в интересах сельского пролетариата, так и в интересах своего собственного класса. Они должны

¹⁾ Русский пролетариат в обеих революциях 1905 и 1917 г. осуществил эту меру путем создания Советов рабочих (а в 1917 г. и солдатских) депутатов.

требовать, чтобы конфискованные поместья остались государственной собственностью и послужили для основания рабочих колоний, в которых сельский пролетариат применит методы коллективной обработки земли. Подобно тому, как демократы вступают в союз с крестьянами, рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом¹⁾.

б) Демократы будут добиваться учреждения федеративной республики или, по крайней мере, попытаются парализовать центральное правительство путем предоставления возможно полной самостоятельности и независимости отдельным общинам и провинциям. Рабочие не должны позволить обмануть себя фразеологией относительно «самоуправления» и т. п. Они должны добиваться учреждения единой и нераздельной республики и самой решительной централизации, которая придает всеобщий характер уступкам, вырванным у законодательной власти²⁾.

1) Здесь мы видим предвосхищение идеи о „батрацких депутатах“, развивавшейся большевиками в 1917 году, и отчасти „комитетов бедноты“, основанных в 1918 году для борьбы с кулаческими и контр-революционными элементами деревни. С другой стороны мы видим здесь указание на необходимость превращения бывших помещичьих имений в коммуны и совхозы. Опыт российской революции, впрочем, показал, что в интересах установления единого революционного фронта пролетариата и крестьянства против помещиков и буржуазии приходится при известных условиях идти на раздел бывших помещичьих земель среди мелких крестьян, — мероприятие в настоящее время принципиально одобряемое всем Коммунистическим Интернационалом.

2) Впоследствии Энгельс заметил, что это резкое противопоставление самоуправления централизации основано на недоразумении. В то время считалось окончательно установленным, что централизация правительственного механизма была введена во Франции революцией, и в руках Конвента оказалась необходимым и решающим оружием в борьбе с роялистической и федералистической реакцией. Дальнейшие исторические исследования выяснили, что в течение всей революции до 18 Брюмера на местах действовали власти, избранные самим народом, и что как-раз это широкое провинциальное и общинное самоуправление сделалось сильнейшим рычагом революции. И он заключает: „Так же мало, как местное и провинциальное самоуправление противоречит политической и национальной централизации, так же мало необходимо связано оно с тем ограниченным или коммунальным себялюбием, которое в таком непривлекательном виде выступает перед нами в Швейцарии и которое в 1849 году все южно-немецкие федеративные республиканцы хотели сделать общим правилом в Германии“. То же самое показал и опыт русской революции, которая сумела найти правильное сочетание принципов централизма и федерализма в построении пролетарского государства.

в) В виду самого положения вещей, демократы принуждены будут проводить известные социальные реформы. Рабочие в начале движения, разумеется, не могут еще предлагать никаких определенных коммунистических мер, но они могут принуждать демократов возможно всестороннее вторгаться в существующий общественный порядок и сконцентрировать в руках государства возможно большее количество производительных сил,—фабрик, железных дорог и т. д. Они должны доводить до крайних пределов реформаторские мероприятия демократов и превращать их в прямое нападение на частную собственность: так, например, если мелкие буржуа предложат выкуп железных дорог и фабрик, то рабочие потребуют их конфискации; если демократы предложат пропорциональный налог, то рабочие потребуют введения прогрессивного налога; если демократы пожелают упорядочить государственный долг, то рабочие потребуют провозглашения государственного банкротства. Их боевым кличем должно быть: непрерывная революция.

Вот какую тактику Маркс рекомендовал пролетариату в предвидении нового революционного подъема. Здесь о коалиции с буржуазной демократией для общих буржуазии и пролетариату целей нет уже и речи. За истекший бурный год политические взгляды Маркса, очевидно, сильно изменились. В основе новой тактики лежат систематическое недоверие пролетариата к демократической буржуазии и полная самостоятельность его действий. Но ожидавшийся революционный взрыв не наступил. В течение 1850 года шансы на новый подъем убывали, можно сказать, с каждым днем. Во Франции, на которую Маркс теперь возлагал свои главные надежды, всеобщее избирательное право было уничтожено, и пролетариат не поднялся на его защиту; в Германии реакция торжествовала; русский царизм снова диктовал свою волю немецким дворам. И по мере того, как убывала надежда на близость предстоящего переворота, последние могикане революции приходили во все большее озлобление и начинали склоняться к самым отчаянным планам.

Объективный анализ событий убедил Маркса в том, что наступившая политическая реакция отличается далеко не мимолетным характером и что в основе ее лежат глубокие экономические причины. Промышленный кризис 1847 года, подготовивший революцию 1848 года, миновал. Наступил новый невиданный до тех пор период промышленного расцвета. Говоря словами Маркса, февральская революция в конечном счете разбилась об открытие калифорнийских и австралийских золотых россыпей. Внимательное изучение условий всемирного рынка все больше убеждало Маркса, что, подобно тому, как всемирный торговый кризис 1847 года породил революцию, точно так же контр-революция была порождена постепенным экономическим улучшением, достигшим кульминационного пункта в 1850 году.

«При таком всеобщем благополучии,—писали Маркс и Энгельс в «Обзрении от мая по октябрь 1850» («Новая Рейнская Газета, политико-экономическое обозрение», V и VI книжки), —когда так пышно развиваются производительные силы буржуазного общества, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в такие периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, приходят в противоречие друг с другом. Бесконечные перемены, в которых теперь истощаются и взаимно компрометируют себя отдельные фракции континентальной партии порядка, далеко не могут послужить поводом к новой революции; напротив они и возможны только потому, что основа нынешних отношений так прочна и, чего не знает реакция, так буржуазна. Все реакционные попытки, задерживающие буржуазное развитие, так же верно отскочат от нее, как и всякое нравственное негодование и все воодушевленные прокламации демократов».

С этим взглядом, к которому Маркс пришел после объективного анализа фактов и который он бесстрашно высказал во всеуслышание, не могли примириться многие эмигранты, в коих революционное чувство было сильнее холодного рассудка. На этой почве в Союзе Коммунистов начались разногласия.

Старые члены Союза в большинстве были на стороне Маркса, более же молодые его члены за единичными исклю-

ниями (вроде В. Либкнехта) поддались общему эмигрантскому настроению и хотели втянуть Союз в безнадежные бунтарские планы разгоряченных политических выходцев. Во главе этой бунтарской оппозиции, склонной решать сложные политические вопросы сплеча, по-военному, стояли бывший офицер Виллих и старый «профессиональный революционер» Шаппер. Разногласия, осложнившиеся личными дразгами, привели к разрыву и к расколу в Союзе в сентябре 1850 года. Союз распался на две враждебные организации. Марксистская фракция была ликвидирована в Германии арестами 1851 г., а фракция Виллиха—Шаппера прекратила свое существование в 1853 г.

Первый период публичной политической деятельности Карла Маркса был закончен. В течение этого периода он окончательно распростился со своими иллюзиями относительно жизнеспособности и активности буржуазной демократии и окончательно укрепился в той мысли, что отныне вся жизненная энергия и революционная активность сосредоточились исключительно в рабочем классе.

Убедившись, что первый период германской революции закончился, Маркс заперся в своем кабинете, для того, чтобы выковать пролетариату могучий меч научной критики. Он углубился в изучение политической экономии с целью выработать глубокую, всестороннюю научную критику буржуазного общества. В эти долгие годы беспросветной реакции могучий мыслитель в тиши своего кабинета собирал и критически перерабатывал горы фактов для того, чтобы возжечь огонь, до сих пор светящий всему миру: он подготовлял материалы для своего бессмертного «Капитала».

Иногда он отрывался от этой главной задачи всей своей жизни для выполнения более мелких работ, в которых он откликался на особенно выдающиеся события; некоторые из них он выполнял для снискания хлеба насущного. Так, под давлением материальной нужды он писал статьи в «Нью-Йоркскую Трибуну», работал в некоторых журналах, между прочим, в немецко-американском журнале, издававшемся его другом Вейдемейером, и т. д. Из некоторых статей составились потом отдельные брошюры и сборники, как, например, «Классовая борьба во Франции», «Революция и контр-революция в

Германии» ¹⁾, «18 брюмера Луи Бонапарта», «Восточный вопрос». Три названные нами первые брошюры до сих пор не утратили своего глубокого научного интереса: в них Маркс делает блестящую попытку применить к истолкованию исторических явлений свою материалистическую философию истории и показать, что социальная борьба во всех своих видах (религиозная, философская, политическая и другая борьба) является лишь отражением борьбы общественных классов, которая в свою очередь обуславливается экономическим развитием общества и взаимными отношениями отдельных классов в процессе производства и обмена.

Усердно работая в Британском Музее ²⁾, Карл Маркс не только пополнил прежний пробел в своих экономических знаниях, но и сделался ученым экономистом XIX столетия, причем он стоял выше других экономистов не только в смысле глубокого знакомства с историей и литературой предмета, но и в смысле систематического расположения и критического освещения сгруппированных им фактов. Пролетариат может гордиться своим ученым: ничего подобного до сих пор не дала буржуазная экономическая наука. И это несмотря на то, что Марксу приходилось сплошь да рядом работать урывками, благодаря своей материальной необеспеченности, болезням, а в особенности благодаря практической агитационной работе. Не дожидаясь опубликования «Капитала», Маркс впервые систематически изложил некоторые результаты своих политико-экономических изысканий в книге «К критике политической экономии», первый и единственный выпуск которой появился в 1859 г. В этой книге в общих чертах намечены многие из тех взглядов, которые впоследствии были развиты с такой силой и блеском в «Капитале». А в знаменитом предисловии к этой книге впервые в связной, хотя и слишком сжатой форме намечены основные черты философии истории Маркса, впоследствии получившей название экономического или исторического материализма.

Спокойная научная работа Маркса была прервана политическим оживлением, начавшимся в Западной Европе в конце 50-х годов.

¹⁾ Впрочем, большая часть статей, вошедших в эту брошюру, были написаны Ф. Энгельсом, который пытался и таким путем оказать материальную поддержку своему нуждавшемуся другу.

²⁾ Величайшая библиотека в Лондоне.

V.

Интернационал ¹⁾.

Как предвидел Маркс, новый экономический кризис 1857 г. и политический кризис 1859 года (австро-французская война) сдвинули политическую жизнь европейских государств с мертвой точки ²⁾.

Маркс и Энгельс рассчитывали, что, подобно тому, как экономический кризис 1847 г. дал толчок к буржуазной революции 1848 г., новый экономический кризис, в неизбежности которого они были уверены, даст на этот раз толчок к пролетарской революции. Этот кризис наступил в 1857 году; он начался в Соединенных Штатах, перебрался в Англию, а затем и на европейский континент. Маркс и Энгельс приветствовали его, твердо уверенные, что этот кризис непременно развяжет социальную революцию. Но до этого дело тогда еще не дошло.

На очереди дня европейской жизни стояли тогда еще задачи завершения буржуазной революции, в частности создание национальных государств в центре Европы, а именно, в Германии и Италии. Начавшееся в результате кризиса политическое брожение и имело своим результатом оживление борьбы за объединение Германии и Италии; в других местах, напр., в Австрии и Турции, усилилась борьба угнетенных национальностей, причем венгерцы сумели в 1867 г. добиться значительной автономии. Волна национально-освободительного движения докатилась до востока Европы, где общее политическое оживление и вызванные им надежды проявились в пробуждении Польши, снова поднявшей в начале 60-х годов знамя восстания за национальную независимость.

К этому присоединилось влияние американской междоусобной войны, которая особенно тяжело отразилась на положении английского пролетариата. Про эту войну Маркс сказал, что она бьет набат для европейского рабочего класса, подобно тому,

¹⁾ Подробнее см. в моей книге „Интернационал“.

²⁾ Полемика по поводу войны 1859 г. вызвала, между прочим, памфлет Маркса „Господин Фохт“, направленный против проф. Карла Фохта, бывшего имперского регента, а затем наемного агента Наполеона III. В настоящее время этот памфлет представляет преимущественно исторический интерес.

как американская война за независимость в XVIII веке пробудила набат для европейского среднего класса. Во Франции итальянская война вызвала резкий подъем общественного настроения не только среди либерального общества, но и среди рабочих. Последние, не ограничиваясь профессиональной борьбой, начали помышлять о разрыве с буржуазными радикалами и о самостоятельных политических выступлениях. Немецкий пролетариат также успел оправиться от реакции 50-х годов и начинал стремиться к экономической и политической организации.

Маркс, внимательно следивший за экономическим кризисом и политическими потрясениями тогдашней Европы, снова начал надеяться на близкий подъем революционного движения. Он прекрасно понимал, что теперь революция может восторжествовать только как революция рабочего класса, или же ее вовсе не будет. Но, благодаря теснейшей экономической связи всех капиталистических стран, движение, направленное к освобождению трудящихся, неминуемо должно было принять международный характер. Эта мысль, которую некогда исповедывал Союз Коммунистов, которую выражал Коммунистический Манифест и которая составляла неразрывную часть марксова понимания социализма, теперь начала проникать в сознание широких масс европейского пролетариата. Английские и французские рабочие пришли к мысли о необходимости установления тесной идейной и организационной связи между пролетариями отдельных стран под влиянием опыта своей повседневной экономической борьбы. Толчок к объединению британских и континентальных рабочих дан был всемирной выставкой 1862 года в Лондоне.

5-го августа 1862 года 70 делегатов от французских рабочих были торжественно приняты английскими рабочими и обменялись с ними мыслями относительно необходимости для пролетариев, «как людей, как граждан и как рабочих, имеющих одинаковые стремления и интересы», изыскать какие-нибудь средства для установления международной связи. Завязанные сношения стали более тесными благодаря польскому восстанию, которому, как мы уже говорили, глубоко сочувствовала вся европейская демократия. 22 июля 1863 года делегаты парижских рабочих, Толэн, Перрашон и Лимузен, прибыли в

Лондон, куда они привезли ответ на адрес английских рабочих, и в тот же вечер присутствовали на митинге в Сент-Джемс-Холле в честь Польши. Здесь говорили о необходимости международной организации рабочих. Наконец 28 сентября 1864 года состоялся в Сент-Мартинс-Холле знаменитый митинг, на котором положено было начало Интернационалу. На этом митинге избран был комитет из 21 члена, которому поручено было выработать устав международной ассоциации рабочих. Среди членов этого комитета находились английские тред-юнионисты, из которых назовем Оджера, Гауэля, Осборна, Локкрафта, французы, как Лелюбез и Боске, представитель Италии, адъютант Мадзини—Вольф, и, наконец, самое последнее место скромно занимал «доктор Маркс».

Теперь перед Марксом открылось широкое поле политической деятельности, наиболее отвечающее его заветным убеждениям. На этот раз дело шло уже не о том, чтобы стоять на крайнем левом фланге буржуазной демократии и диктовать ей линию поведения, каждый день убеждаясь в ее неспособности и нежелании считаться с преподаваемыми ей советами,—теперь дело шло о том, чтобы принять активное участие в стихийно начинающейся борьбе юного, жизнерадостного и полного сил пролетариата, этого естественного носителя социализма и всемирного освобождения. Мечта всей жизни Маркса исполнилась, и он с юношеской энергией отдался работе.

Задача заключалась в том, чтобы из всех местных, временных, национальных движений выделить то, что обще всему рабочему классу во всех капиталистических странах, организовать разрозненные пролетарские силы, просветить их светом классового сознания и помочь широким слоям рабочего класса, только втягивающегося в общественную и политическую борьбу, на собственном опыте понять свои постоянные классовые интересы, свои исторические задачи и средства, необходимые для их осуществления. Необходимо было, с одной стороны, не форсировать рабочего движения, не становиться поперек его естественному развитию, а, с другой стороны, тщательно не допускать его засорения чуждыми примесями и сектантскими элементами. Такова была задача, которую поставил себе Маркс, и эту задачу он выполнил с поразительной выдержкой, проницательностью и тактом.

Параллельно с широким развитием массового рабочего движения, которое в отдельных странах могло выставлять различные лозунги и преследовать различные практические непосредственные задачи, в зависимости от уровня экономического развития и зрелости самой массы, должна была, по мысли Маркса, идти организация пролетарского авангарда, которая объединяла бы в международном масштабе всех передовых рабочих, выдвинутых массовым движением отдельных стран. Этот авангард должен был выдвинуть коммунистическую программу и вести рабочие массы к социальной революции, к захвату власти пролетариатом в самых передовых странах, по возможности одновременно. При этом пролетарский авангард не должен был отрываться от широких рабочих масс, быть тесно связан с их непосредственной борьбой и использовать каждый частичный конфликт труда с капиталом для развития классового сознания масс, для поднятия их на высшую ступень и для привития им идей революционного коммунизма. Очищая головы вождей массового движения от ложных взглядов, от пережитков старых и новых утопических систем, этим самым достигалось и освобождение рабочих масс от старых предрассудков и от влияния буржуазной идеологии, проникающей в массу самыми разнообразными путями, часто же через посредство самой рабочей интеллигенции. Борьба за идейное влияние на эту рабочую интеллигенцию, вырастающую из недр рабочей массы, и составляла одну из задач, которую ставил себе Маркс в Интернационале.

Другая задача, к которой он стремился и которая была тесно связана с первой, заключалась в создании международной коммунистической рабочей партии с руководящим центром в лице Генерального Совета. Эта партия должна была, по мысли Маркса, руководить повседневной борьбой пролетариата в отдельных странах и стать в его главе в момент социальной революции, к совершению которой эта партия и должна была подготовить международный пролетариат.

В те времена, т.-е. к началу 60-х годов 19-го века, ни в одной стране не существовало рабочей партии в современном смысле этого слова. Поэтому создать сразу международную рабочую партию казалось, с одной стороны, сравнительно легко, ибо ей не пришлось бы наталкиваться на сопротивление уже существующих партий, имеющих свои традиции, методы и программы. Но, с другой стороны, как это показала практика, задача, поставленная себе основоположниками Первого Интернационала, оказалась неосуществимой именно по этой причине. Интернационал при тогдашних условиях мог объединять в своих рядах самые пестрые категории рабочих, с совершенно различным уровнем общего и политического развития, в большинстве случаев не прошедших никакой опытной школы и преследовавших неодинаковые цели. Партий, которые объединяли бы рабочих одинаковых политических воззрений на определенной политической платформе, не существовало, не было партийной организации, не было и центральных и местных комитетов этих партий. Таким образом, Генеральный Совет Интернационала, который по мысли Маркса должен был играть роль центрального комитета международной коммунистической партии, лишен был передаточного механизма, через посредство которого воля и мысль интернационального центра могла бы сообщаться местным ветвям организации и проводиться в жизнь. Этот Генеральный Совет висел, так сказать, в воздухе и притом опирался на слишком разношерстную и зыбкую основу безформенных рабочих организаций, возникавших в разных местах по различным поводам и ставивших себе самые различные общие и непосредственные задачи. Борьба за создание такой централизованной международной коммунистической партии и заполнила деятельность Маркса в первом Интернационале. И хотя она оказалась в тот момент практически неосуществимой и даже была одной из главных причин, вызвавших раскол в первой международной организации, тем не менее, она свидетельствует о гениальной прозорливости Маркса, идея которого начинает осуществляться лишь теперь в виде новой организации III Интернационала, сделавшего первый шаг в этом направлении на своем четвертом конгрессе в конце 1922 года, т.-е. через 60 лет после того, как эта мысль возникла в голове Маркса.

На всем теоретическом развитии Интернационала и на главных его практических шагах лежит печать этого выдающегося стратега и ума. Он воспитал целую школу деятелей, которые работали сначала в Интернационале, а затем, когда последний распался, содействовали организации национальных социалистических партий, пропитывая их социалистическим духом. Влияние Маркса сказалось на всей деятельности Генерального Совета, душой которого он был, на работах международных съездов, на жизни и развитии всего Интернационала. С первых же шагов Международной Ассоциации Рабочих стало ясно, что истинным главой и вдохновителем Интернационала является Карл Маркс, который лучше всех других сумел понять основные принципы, цели и средства рабочего и социалистического движения.

Прежде всего необходимо было выработать программу и устав Интернационала, в которых выражались бы основные принципы международной организации пролетариата. Комитету пришлось выбирать между несколькими проектами, из которых один, в духе буржуазно-мистической фразеологии; был составлен секретарем Малдини, Вольфом, другой — старым оуэнистом Уэстоном, третий — французским политическим эмигрантом Лелюбезом, и четвертый, в духе научного социализма, Карлом Марксом. После долгих и страстных прений принят был «Учредительный Адрес», составленный Марксом, а также выработанный им временный устав международного товарищества рабочих.

По содержанию «Учредительного Адреса», или Манифеста Интернационала, можно судить о той тактике, которой Маркс намерен был держаться по отношению к стихийно развивающемуся рабочему движению. Глубоко убежденный в том, что его философия является истинным выражением и обобщением всего исторического опыта пролетариата и что к этому мировоззрению рабочий класс неизбежно должен прийти в результате своей естественной эволюции и уроков повседневной борьбы, Маркс считал излишним и вредным сразу навязывать рабочему классу какие бы то ни было абстрактные теории, противоречащие его сознанию или еще недостаточно подготовленные его прежним опытом. Маркс исходил из действительной жизни рабочего класса, из его пережитого опыта и конкретной борьбы и, как мудрый педагог, заставлял пролетариат на дан-

ных конкретных примерах и иллюстрациях осмыслить совершающийся на его глазах исторический процесс и осознать как свои ближайшие, так и конечные задачи. Но если он избегал форсировать естественное развитие массового движения, то с тем большею энергией он восставал против всяких попыток тащить рабочий класс назад к уже пройденным этапам развития и засорять голову пролетарского авангарда, который должен был стать во главе массового движения и уверенной рукой повести его к социальной революции.

Учредительный Адрес прежде всего констатирует тот основной факт, что нужда рабочего класса не ослабела за период от 1848 до 1864 года, несмотря на то, что именно в этот период необычайно возросло богатство капиталистов. Таков английский образец; но с иной местной окраской и в несколько меньшем масштабе указанное противоречие повторяется во всех странах, идущих по пути развития капиталистической промышленности. Однако, на темном фоне этого мрачного периода Маркс находит светлые точки: это, во-первых, закон о десятичасовом рабочем дне и, во-вторых, успех кооперативных предприятий, основанных рочдельскими пионерами. Законодательное ограничение рабочего дня было прямым вмешательством в великую борьбу между слепым действием законов спроса и предложения, составляющих политическую экономию буржуазии, и регулированием общественного производства в интересах общества, составляющим сущность политической экономии рабочего класса. «И потому билль о 10-часовом рабочем дне был не только крупным практическим успехом, но и победой принципа. Впервые, при ярком свете дня политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией пролетариата». Столь же принципиальное значение имеют, по мнению Маркса, успехи кооперативного движения. Эти великие социальные опыты доказали на практике, что производство в крупном масштабе и согласно требованиям современной науки может происходить без класса капиталистов-эксплоататоров и что наемный труд, подобно рабству и крепостничеству, представляет только переходящую историческую форму, которая будет заменена свободным коллективным трудом. Но только расширение кооперативного труда до национальных размеров и поддержка его со стороны государства может спасти трудящиеся массы. А это

невозможно до тех пор, пока государством управляют земельные и фабричные магнаты. Поэтому великий долг рабочего класса заключается в завоевании политической власти. Рабочие располагают одним из элементов успеха, а именно: численностью; но кроме того им необходимы еще сознание и солидарность, выражающиеся в международной организации пролетариата. Последняя, не ограничиваясь классовой борьбой в национальных рамках, должна оказывать решающее влияние на внешнюю политику в духе международного братства и солидарности. Борьба за такую внешнюю политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса. И Учредительный Адрес Интернационала заканчивается, как некогда «Коммунистический Манифест», вещим лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

К этому Манифесту присоединен был временный устав Интернационала, выработанный Марксом. Приводим мотивировку основных его положений, в которых, между прочим, формулирована новая мораль пролетариата.

«Принимая во внимание,

«что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий, а к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

«что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства, т.-е. источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, всякой социальной нищеты, умственного отупения и политической зависимости;

«что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

«что все стремления к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими различных стран,

«что освобождение рабочих составляет не местную или национальную задачу, а социальную, обнимающую все страны, в коих существует новейшее общество, и могущую быть разрешенной лишь взаимным практическим и теоретическим содействием большинства передовых стран;

«что движение, которое возобновляется ныне среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, возбуждая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к объединению пока еще разрозненных усилий.

«В виду вышесказанного:

«Нижеподписавшиеся члены Комитета, избранного Собранием, состоявшимся 28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс Холле в Лондоне, приняли необходимые меры для основания международной ассоциации рабочих:

«Они объявляют, что эта Международная Ассоциация, равно как и все примыкающие к ней общества или отдельные личности, будут признавать правду, справедливость и нравственность основой своих отношений ко всем людям независимо от расы, религии или национальности.

«Они считают своим долгом добиваться прав человека и гражданина не только для себя, но и для всех людей, исполняющих свои обязанности. Нет обязанностей без прав, прав без обязанностей».

Интернационал был преемником Союза Коммунистов, который в свое время уже понял, что освобождение рабочего класса представляет задачу не местную, а международную. Но теперь вместо маленького тайного общества, в котором формировался штаб профессиональных революционеров, на историческую сцену выдвинулся могучий международный союз, основанный на самой широкой гласности, руководивший всеми проявлениями рабочего движения, формулировавший непосредственные задачи рабочего класса в отдельных странах и, вместе с тем, конечные общие цели всемирного пролетариата, объединявший в своих рамках все проявления социалистической и рабочей мысли, начиная от английских, трэд-юнионистов и французских мютюэлистов ¹⁾ и кончая немецкими

¹⁾ Мютюэлисты („взаимники“, сторонники взаимопомощи, взаимного обмена)—так назывались тогда во Франции последователи Прудона. Это нечто вроде мирных мелкобуржуазных кооператоров.

марксистами и романскими анархистами. Все нити этого широкого движения, распространявшегося на весь цивилизованный мир, сходились в лондонском Генеральном Совете, а в центре этого Совета сидела самая светлая голова XIX века, критически перерабатывшая опыт классовых конфликтов на всем протяжении человеческой истории и сквозь туман временных уклонений, ошибок и блужданий сумевшая разглядеть столбовую дорогу исторического шествия пролетариата...

Маркс нашел свою стихию. Он давно мечтал, как сообщает Энгельс, создать рабочую ассоциацию, которая охватывала бы передовые страны Европы и Америки и являлась бы живым воплощением международного характера социалистического движения, демонстрируя его наглядно как самим рабочим, так и буржуазии и правительствам—пролетариату в ободрение и укрепление, а его врагам на страх. Говоря словами Маркса, Международная Ассоциация Рабочих ¹⁾ поставила себе целью сконцентрировать разрозненные силы пролетариата и таким образом сделаться живой носительницей той солидарности интересов, которая объединяет всех рабочих. Как мы знаем, Маркс шел дальше и хотел превратить М.А.Р. в международную коммунистическую партию с общей программой и тактикой, руководимую властным центральным комитетом (Генеральный Совет) и направляющую все международное рабочее движение к социальной революции, т.е. к низвержению буржуазного господства и к захвату власти пролетариатом.

В Генеральном Совете Маркс играл решающую роль именно потому, что он был наилучшим истолкователем пролетарской борьбы, сумевшим выявить сокровенную сущность отдельных, на исторической арене друг-друга сменявших и перекрепчивавшихся проявлений рабочего движения. Когда впоследствии бакунисты подняли знамя восстания против идейной гегемонии Маркса в Интернационале, он писал по этому поводу своему другу Зорге: «Их пароль—преобладание в Генеральном Совете пангерманизма (сиречь, бисмаркизма) ²⁾. Это относится главным образом к непростительному факту моего

¹⁾ Первый Интернационал по русски называется также „Международное Товарищество Рабочих“.

²⁾ Бакунисты во главе с своим вождем доходили в полемике с Марксом и Энгельсом до того, что объявили их агентами имперского канцлера Бисмарка! Эти благоглупости повторяются анархистами до сих пор.

рождения немцем, ибо я действительно имею решающее интеллектуальное влияние на Генеральный Совет. Заметим в скобках: немецкий элемент в Совете численно на две трети слабее английского и слабее также французского. Грех, значит, заключается в том, что английские и французские элементы в теоретическом отношении находятся под властью (!) немецкого элемента, и эту власть, id est (то-есть) немецкую науку, считают очень полезной и даже очень необходимой».

Маркс лично не присутствовал ни на одном из конгрессов Интернационала, за исключением Гаагского конгресса, где решался вопрос о самом существовании Международной Ассоциации Рабочих. Но за кулисами он руководил всей его деятельностью, направлял делегатов, игравших главную роль на съездах, подготовлял материалы для решения основных вопросов, на них рассматривавшихся, писал докладные записки, составлял манифесты Интернационала, вел оживленную частную переписку с выдающимися деятелями социалистического движения в разных странах,—и это несмотря на то, что в то же время он лихорадочно работал над своим «Капиталом» (первый том вышел в 1867 году).

В Интернационале Маркс получил возможность влиять в желательном для него направлении не на отдельных интеллигентов и выдающихся представителей рабочего класса, а на широкие массы пролетариата, только начинавшего пробуждаться к самосознанию и самодеятельности, и на выдвинутую ими рядовую рабочую интеллигенцию. При этом непреклонный и суровый теоретик, принципиально не допускавший никакой половинчатости и никаких умолчаний, обнаружил замечательный такт, когда ему пришлось иметь дело с стихийным, из недр самой жизни идущим рабочим движением. Даже основной вопрос социализма, а именно вопрос о превращении всех средств производства и обмена из частной собственности монополистов в коллективную собственность объединенного рабочего класса и о замене современного анархического и разрозненного производства упорядоченным коллективным производством,—даже этот вопрос Маркс проводил на конгрессах Интернационала не сразу, а постепенно. Он осторожно подходил к крайнему выводу, щадя индивидуалистические предрасудки романцев, представлявших страны с распространенным

парцельным ¹⁾ землевладением, и считаясь с уровнем экономического развития таких стран, как Франция, Бельгия и т. п.

Первые конгрессы Интернационала касались целого ряда важных вопросов, как, например, профессиональных организаций, кооперативных товариществ, ограничения рабочего времени, замены косвенных налогов прямыми, отмены постоянных армий, завоевания политических вольностей, народного кредита и т. п., т.-е. рассматривали частичные реформы, которые могут быть осуществлены в рамках нынешнего буржуазного строя, не посягая на основные его устои. На Лозаннском конгрессе (1867 г.) при обсуждении вопроса о передаче железных дорог, каналов и рудников в руки государства Цезарь де-Пап ²⁾ заговорил о необходимости обращения частных земель в коллективную собственность. Против этой мысли начали горячо возражать французские делегаты-прудонисты, признававшие частную собственность основным условием индивидуальной свободы. Только следующий Брюссельский конгресс (1868 г.) принял резолюцию, заявлявшую, что экономическая эволюция современного общества делает переход земли в собственность государства социальной необходимостью, и что земля, подобно рудникам и железным дорогам, должна перейти к земледельческим рабочим товариществам. Наконец, окончательно точку над *i* поставил Базельский конгресс 1869 года, принявший большинством голосов следующую резолюцию комиссии: «Конгресс заявляет, что общество вправе отменить частную земельную собственность и преобразовать ее в общественную; он заявляет далее, что такое преобразование необходимо». Таким образом, только с этого момента Интернационал принял коммунистический характер. Естественная тенденция пролетариата, стремящегося к своему освобождению, в конце-концов пробилась сквозь толщу индивидуалистических и прудонистских предрассудков.

В письме к члену Интернационала, доктору Кугельману, ³⁾ по поводу первого (Женевского) конгресса Международной Ассоциации Маркс, говоря о своей докладной записке о про-

¹⁾ Мелким.

²⁾ Одна из выдающихся фигур бельгийского рабочего движения; врач, пошедший в народ и сделавшийся наборщиком.

³⁾ Член германской социал-демократической партии, приятель Маркса. Письма к нему Маркса вышли особой брошюрой, не раз издававшейся и по русски.

«Профессиональных союзах, представленной на конгресс, метко характеризует свою тактику: «Я намеренно,—пишет он,—включил только такие пункты, которые допускают непосредственное соглашение между рабочими и их совместное действие и дают непосредственно пищу и толчок потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс». Маркс находил, что самые отношения, создаваемые капиталистическим производством, толкают рабочих к выработке классового сознания, т. е., говоря его языком, к превращению их в класс, и что политический деятель должен лишь обладать способностью использовать уроки действительной жизни и на них выяснять самым широким слоям пролетариата его общие задачи. В этом смысле он полагал, что действительность является лучшим учителем; в этом смысле он мог говорить, что один шаг действительного движения важнее дюжины программ (правда, он имел в виду неудачные программы).

Маркс был глубоким реалистом и в теории, и на практике. Уже в «Коммунистическом Манифесте» он показал, что капиталистический строй в своем естественном развитии подготавливает все объективные и субъективные предпосылки социалистического общества. Он выяснил, что прогресс промышленности, невольной носительницей которого является буржуазия, делает необходимым общественное присвоение орудий труда и продуктов производства и ведет к объединению и просвещению рабочего класса. Окончательная победа пролетариата конструировалась Марксом как неизбежный логический результат стихийного общественного развития. Всю свою тактику в Интернационале Маркс построил на этих началах. Рекомендуя в борьбе с капитализмом использовать все возможности, создаваемые буржуазным обществом, он, однако, ни на минуту не соблазнялся докапиталистическими отношениями. Напротив, он беспощадно разоблачал реакционность тех систем, которые основывались на идеализации добуржуазной старины и которые указывали рабочему классу его цели не впереди, а позади капиталистического строя.

На этой почве Марксу пришлось вступить в ожесточенную борьбу с теми направлениями, в основе которых, если так можно выразиться, лежало «неприятие капиталистического мира», и которые надеялись побороть капитализм обходными движениями или же игнорированием его внутренних конфликтов.

И таким романтическим разновидностям социализма в Интернационале принадлежали прудонизм, с его идеализацией мелкобуржуазных отношений, и бакунизм, с его устремлением вперед через голову капиталистического строя. Тот и другой характеризовались стремлением решить социальный вопрос в стороне и помимо буржуазного общества и порождаемых им могучих социально-политических конфликтов. Борьбой между социально-политическим реализмом Маркса, выражавшим стремления сознательного пролетариата, и социально-политическим романтизмом прудонистов и бакунистов, выражавших первые—отголоски мелкобуржуазной психологии в сознании пролетариата, а вторые—инстинктивные антигосударственные и антисоциальные порывы неразвитого пролетариата и бунтарски настроенного крестьянства,—этой борьбой заполнена была вся история Интернационала.

Первое столкновение Марксу пришлось выдержать с прудонистами, задававшими тон тогдашнему французскому рабочему движению. Это направление, сложившееся в эпоху глухой реакции, которая наступила вслед за подавлением июньского восстания, ¹⁾ окрашено было, с одной стороны, глубоким политическим индифферентизмом, а с другой—отличалось узким доктринерством, пытаясь решить социальный вопрос в современном крупно-капиталистическом обществе чисто-экономическими мерами, не выходящими за пределы мелкого производства и обмена. Задачи, выдвигаемые эксплуатацией наемного труда в сфере крупной машинной индустрии, прудонисты надеялись разрешить организацией дарового народного кредита и «справедливого» обмена между изолированными производителями. Они не понимали значения боевых организаций пролетариата и его политической борьбы и относились даже отрицательно к забастовкам, эмансипации женщин и коллективизму ²⁾. Маркс с негодованием писал о них: «У господ парижан головы наполнены пустейшими прудоновскими фразами. Они болтают о науке и ничего не знают. Они отвергают всякую революционную, т. е. из самой классовой борьбы вытекающую тактику, всякое концентрированное общественное, а следова-

¹⁾ Восстание парижских рабочих 23, 24, 25 июня 1848 года, жестоко подавленное Учредительным Собранием (см. мою брошюру „Революция 1848 года во Франции“).

²⁾ См. мою брошюру „Прудон, отец анархии“.

тельно, и политическими средствами осуществляемое движение, напр., законодательное сокращение рабочего дня».

Это столкновение двух мировоззрений проявилось на первом же (Женевском) конгрессе Интернационала при обсуждении вопросов о профессиональных союзах, кооперативах, стачках и ограничении рабочего времени.

Докладная записка Генерального Совета, принадлежавшая перу Маркса, подчеркивала решающее значение профессиональной организации в борьбе пролетариата за свое освобождение. Профессиональные союзы, объединяя трудящихся и устраняя взаимную конкуренцию среди самих рабочих, пытаются парализовать то неблагоприятное положение, в котором находится индивидуальная рабочая сила по отношению к концентрированной силе капитала. Постепенно вся задача союзов свелась к ограждению рабочих от непрерывных посягательств капитала, к борьбе за высоту заработной платы и за продолжительность рабочего дня. Об этой деятельности союзов нельзя говорить, что она законна: она абсолютно необходима и не может прекратиться до тех пор, пока существует буржуазный строй. С другой стороны, профессиональные союзы естественно сделались организационными центрами для рабочего класса, подобно тому, как средневековые коммунны были центром организации для буржуазии. Если профессиональные союзы безусловно необходимы в повседневной партизанской борьбе между капиталом и трудом, то еще важнее другая их сторона, а именно то, что они являются организованной силой, способной уничтожить самую систему наемного труда и господство капитала. До сих пор,—продолжает записка,—профессиональные союзы ограничивались непосредственной борьбой против капитала и держались в стороне от общего социально-политического движения. В будущем же они должны научиться действовать сознательно, как центр организации рабочего класса, должны поддерживать всякое общественно-политическое движение, ведущее к этой цели, и смотреть на себя как на активных передовых борцов за интересы всего рабочего класса ¹⁾.

¹⁾ Здесь Маркс как бы приписывает профессиональным союзам задачи, присущие коммунистическим партиям. Но не следует забывать, что, как мы выше указали, в тот момент рабочих партий еще не существовало, или они существовали лишь в зародышевой форме.

Для прудонистов все это осталось, конечно, книгой за семью печатями. К классической резолюции Маркса о профессиональных союзах, до сих пор сохранившей характер живой злободневности, они прибавили пресное и двусмысленное утверждение, гласящее, что «в будущем рабочий одновременно будет производителем, потребителем и капиталистом». Зато резко сказалось различие двух миросозерцаний при рассмотрении других вопросов.

При обсуждении вопроса о международной взаимопомощи в борьбе между капиталом и трудом записка Маркса, отредактированная согласно взглядам вождей английских трэд-юнионов ¹⁾, рекомендовала Интернационалу расстраивать интриги капиталистов, которые всегда готовы в случаях забастовок пользоваться рабочими других стран, как орудием для подавления требований своих рабочих, и предлагала предпринять статистическое обследование положения рабочих во всех странах. Французские делегаты заговорили об опасности стачек, рекомендуя вместо этого устраивать производительные товарищества на началах «взаимности», как вернейшее средство для превращения «заработной платы в доход от труда».

Еще резче сказалось разногласие между революционным реализмом Маркса и мелко-буржуазным утопизмом прудонистов при обсуждении вопроса о сокращении рабочего времени. Докладная записка требовала установления восьмичасового рабочего дня и уничтожения ночных работ по соображениям гигиеническим и экономическим. Некоторые романские делегаты отстаивали, напротив, нормальный десятичасовой рабочий день. А при обсуждении вопроса о женском и детском труде в современной промышленности французские делегаты решительно высказались против женского труда и,

¹⁾ Речь идет о вождях радикального движения, которое проявилось среди английских профессиональных союзов с начала 60-х годов 19-го века. Под влиянием вышеупомянувшегося кризиса 1857 года и хлопкового кризиса, вспыхнувшего в первой половине 60-х годов, среди английских рабочих началось движение, которое приобрело также характер политической борьбы. Деятели этого движения, Аллен, Оджер, Локрафт, Эккариус (старый член „Союза Коммунистов“), Эплгарт и т. д. и сыграли инициативную роль при основании Интернационала. В первое время они горячо поддерживали Маркса в Генеральном Совете и лишь впоследствии вернулись в лоно „рабочего либерализма“ (подробнее см. в моей книге „История рабочего движения (Три Интернационала), часть первая: Период I-го Интернационала“).

выражая известные реакционные взгляды Прудона, заговорили о «святости семейного очага».

Записка Маркса, выдвигавшая программу всестороннего воспитания детей, при которой производительный труд соединяется с физическими упражнениями и развитием ума, указывала на то, что этой цели можно добиться только с помощью общего социального законодательства, осуществляемого государственной властью. Она считала нужным пояснить, что проведением в жизнь подобных законов рабочий класс ничуть не содействует укреплению правительственной власти; напротив, он заставляет служить себе ту силу, которую теперь пользуются во вред ему. Посредством одного общего законодательного акта рабочий класс сразу достигает таких результатов, которых он напрасно старался бы достигнуть бесчисленным множеством изолированных индивидуальных усилий. Переходя к вопросу о значении кооперации, которой французы приписывали роль универсальной панацеи, Маркс в своей записке отказывался признать кооперацию средством, способным привести к преобразованию капиталистического общества в социалистическое. Для этой цели слабых кооперативов с ограниченным районом действия слишком мало; для достижения ее требуется общее изменение всего социального быта, которое может быть выполнено только организованными общественными силами, а для этого рабочие должны вырвать власть из рук капиталистов и землевладельцев. С другой стороны, производительным товариществам следует отдать предпочтение перед потребительскими, так как только первые затрагивают самую основу современного экономического строя, т.-е. эксплуатацию наемного труда в области производства ¹⁾.

Окончательное поражение марксисты, как мы видели, нанесли прудонистам на Брюссельском и Базельском конгрессах, настояв на принятии резолюции, которая требовала обобществления поземельной собственности и введения коллективного земледелия.

¹⁾ Впоследствии практика рабочего движения показала, что производственные товарищества оказались в обстановке капиталистического общества менее живучими, чем потребительные (кооперативы). При этом они ничуть не застрахованы от буржуазного перерождения.

Стремясь объединить в Интернационале все разновидности рабочего движения, энергично содействуя всем проявлениям пролетарской самостоятельности и инициативы, стараясь на отдельных конфликтах дать пролетариату политическое воспитание и упражнение его силам, Маркс рассчитывал таким путем сильно приблизить момент коренного социального переустройства. Ему казалось, что капиталистический строй успел настолько исчерпать себя, довести до такой высоты производительные силы и настолько развить все присущие ему глубокие внутренние противоречия, что на этот раз начавшееся движение трудящихся неминуемо завершится всемирным социальным катаклизмом и приведет к окончательному освобождению труда из-под власти капитала. Понимая все великое организационное и воспитательное значение отдельных форм пролетарской борьбы, Маркс в то же время находил, что наивысшей продуктивности она достигнет только в том случае, если удастся создать синтез пролетарской борьбы в виде целостного социально-политического движения, направленного на завоевание организованной власти современного общества и на использование ее рабочим классом в целях коренного социального переустройства. Он хотел, чтобы из отдельных форм национальных рабочих движений вышло одно общее классовое пролетарское движение на интернациональной основе. А такое классовое движение могло быть только политическим, т.е. стремящимся к завоеванию государственной власти, по возможности одновременно во всех капиталистических странах, для преобразования буржуазного общества в общество социалистическое, основанное на принципах коммунизма или коллективизма.

Как мы видели, эта мысль была высказана Марксом уже в «Учредительном Адресе» Интернационала, но и в этом случае он старался действовать с присущей ему осторожностью, постепенностью и тактом. В мотивировке к уставу Международной Ассоциации, которую мы привели выше, политическая борьба подчиняется экономической борьбе пролетариата «как средством». С одной стороны, это вполне отвечало взглядам Маркса, который смотрел на политическую борьбу рабочего класса как на производную его социальных задач. С другой стороны, не следует забывать, что в то время этого вопроса приходилось

касаться с особой осторожностью, так как рассматриваемый период характеризовался политическим индифферентизмом широких рабочих масс. В большинстве государств рабочие были тогда совершенно лишены избирательного права. Далее, только теперь, да и то в самых передовых странах, как Англия и Франция, рабочие стали высвобождаться из-под политической гегемонии буржуазной демократии. В Англии начиналась борьба за расширение избирательного права, в которой энергичное участие принимали стоявшие близко к Интернационалу деятели трэд-юнионов. Во Франции начиналось движение в пользу самостоятельного политического выступления пролетариата в виде так называемых «рабочих кандидатур», к которым отрицательно относилось даже большинство парижских рабочих, усматривавших в выставлении рабочих кандидатур против буржуазных республиканцев коварный прием бонапартовской полиции.

Эти и целый ряд других соображений принуждали руководителей Интернационала с сугубой осторожностью относиться к вопросу о вовлечении рабочих в непосредственную политическую борьбу. С этой точки зрения Интернационал так и не сделался международной политической партией пролетариата, а почти до конца остался довольно пестрым конгломератом профессиональных союзов, кооперативов и пропагандистских и образовательных фреймов. Не следует забывать, что он, говоря словами Энгельса, «принадлежал к периоду Второй Империи, когда царившие во всей Европе преследования пробуждавшегося рабочего движения диктовали солидарность пролетариата и его невмешательство во внутреннюю политику». Всякая попытка навязать Интернационалу непосредственные политические задачи грозила внести раздор в ряды Международной Ассоциации и погубить с таким трудом налаженное дело. Быть может, Маркс еще долго не спешил бы обострять политического вопроса, предоставляя дело естественному течению событий и постепенному накоплению пролетарского опыта, если бы не шумливое выступление бакунистов, сразу придавших этому вопросу резкую постановку.

Первоначально Маркс и намеревался не форсировать в этом отношении событий. Он был уверен, что естественное расширение экономической борьбы рабочего класса неизбежно поставит перед ним вопрос о политической борьбе в нацио-

нальном масштабе, т.-е. в смысле борьбы за власть, и даже в интернациональном масштабе, т.-е. в смысле борьбы за международный социалистический переворот. «Политическое движение рабочего класса,—писал он Зорге 23 ноября 1871 г.,—имеет, само собой разумеется, конечной целью завоевание им политической власти, а для этого до известного момента необходимо развитие previous organisation of working class ¹⁾, само по себе вырастающее из экономической борьбы рабочего класса. Но, с другой стороны, каждое движение, в котором рабочий класс, как таковой, противостоит господствующим классам и оказывает на них давление через pressure from without ²⁾, есть политическое движение. Например, попытка принудить отдельного капиталиста при помощи стачек и т. д. к сокращению рабочего дня на отдельной фабрике или мастерской будет чисто-экономическим движением; напротив, движение в пользу закона о 8-часовом рабочем дне и т. д. будет уже политическим. И этим-то путем повсюду из отдельных экономических требований рабочих вырастает движение политическое, т.-е. движение класса, чтобы этим путем добиться осуществления его интересов в общей форме, т.-е. в форме, имеющей принудительный характер для всего общества. Если эти движения подчинить определенной previous организации, то они, в свою очередь, сделаются средством развития этой организации. Там, где организация рабочего класса еще не настолько развита, чтобы он мог вступить в решительное сражение с коллективной властью, т.-е. с политической властью господствующих классов, там он к этому должен быть подготовлен непрерывной агитацией против враждебной нам политики правящих классов. В противном же случае он делается игрушкой в их руках».

Социалисты старых школ, под влиянием которых отчасти сложились взгляды Карла Маркса, особенно бланкисты ³⁾, рассматривали политическую борьбу только как конечный акт, т.-е. как вооруженное восстание пролетариата и захват им политической власти. Вот почему подходить к этому вопросу приходилось с большой осторожностью, тем более, что Маркс и сам

¹⁾ Предварительной организации рабочего класса.

²⁾ Внешнее давление.

³⁾ Последователи знаменитого французского революционера Огюста Бланки (1805—1881), руководившего рядом заговоров, направленных к захвату власти.

не сразу уяснил себе конкретные формы политической борьбы пролетариата в смысле постоянного и планомерного его участия во всех конфликтах буржуазного общества и использования их для своих классовых целей.

Второй конгресс Интернационала в Лозанне обсуждал между прочим вопрос о том, не является ли отсутствие политической свободы препятствием к экономическому освобождению рабочего класса и одной из главных причин социальной неурядицы, а также какими средствами можно ускорить достижение политической свободы: не являются ли в частности такими средствами неограниченная свобода печати и союзов? Поскольку вопрос не выходил таким образом из рамок общих пожеланий, он не возбуждал особенных прений, и даже будущие главари бакунистов, как Гильом, вотировали за резолюцию. Последняя гласила: «Конгресс заявляет, что отсутствие политической свободы препятствует социальному воспитанию народов и эмансипации пролетариата, что поэтому социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения и что достижение политической свободы является мерой первой и безусловной необходимости». Без политической борьбы Маркс не видел интегральной классовой борьбы пролетариата. На этой почве возгорелась ожесточенная борьба между ним и бакунистами, которые, стремясь к непосредственной социальной революции путем разрушения государства, отрицали всякую политическую борьбу и активное вмешательство пролетариата в политическую жизнь и признавали политическую деятельность рабочего класса вредной для его конечных целей, т.-е. полного социального освобождения.

Другим основным разногласием между Марксом и Бакуниным было разногласие по вопросу о завоевании политической власти рабочим классом и об установлении диктатуры пролетариата. Если Маркс мог еще не так сильно настаивать на повседневной политической борьбе пролетариата (хотя и по этому вопросу он, как мы видели, высказывался всегда с непрекращаемой ясностью), то вопрос о захвате власти рабочим классом не допускал для него никаких сомнений еще со времен «Манифеста Коммунистической Партии». Вне завоевания пролетариатом государственной власти и вне установления диктатуры пролетариата Маркс вообще не видел возможности

социальной революции и освобождения рабочих из-под власти буржуазии. Это был единственный верный путь, подсказываемый пролетариату всей его историей и всем его положением в буржуазном обществе. Даже повседневная политическая борьба рабочего класса за реформы и т. п. имела для Маркса значение, как средство к объединению пролетарских сил, к их упражнению и подготовке окончательного натиска на буржуазное общество, который должен был привести к захвату власти рабочим классом. Орудием для подготовки этого захвата и проведения необходимых мер после него была и сама Международная Ассоциация и ее Генеральный Совет. Но именно этого и не хотели понять и признать анархисты.

Отрицая всякое участие пролетариата в повседневной политической борьбе (за реформы, за демократизацию государства и пр.), анархисты с особенной энергией отвергали захват рабочим классом политической власти и установление диктатуры пролетариата. По мнению анархистов, это может послужить лишь к созданию нового привилегированного класса, так как диктатура пролетариата представляет просто новую форму господства и эксплуатации. Не путем завоевания государства и использования государственного аппарата в своих классовых интересах пролетариат добьется своего освобождения, а посредством полного уничтожения государства со всеми его учреждениями, после чего новое общество создастся путем вольной федерации снизу вверх с помощью вольных союзов лиц и организаций. Отдельные вспышки и бунты завершатся всеобщим восстанием народа, которое уничтожит государство и этим положит начало новой свободной организации общественных отношений.

С этой точки зрения не нужны ни политические партии пролетариата в отдельных странах, ни международная рабочая партия. Централизация, партийная дисциплина—все это вредные выдумки, способные лишь увлечь рабочих на путь буржуазной политики. Поэтому, в противность коммунистам, отстаивавшим, наряду с участием пролетариата в политической борьбе и с захватом государственной власти рабочими, необходимость централистической и дисциплинированной организации, анархисты проповедывали федерализм, децентралистический план организации, неограниченную автономию и самостоятельность отдельных секций, распыление революцион-

ной работы. Генеральный Совет они хотели лишить всякой власти в Интернационале и превратить его в простое статистическое и информационное бюро.

На этой почве возгорелась после Базельского конгресса 1869 г. ожесточенная борьба двух направлений, высказаться по поводу которой должна была конференция Интернационала в Лондоне в 1871 году (предполагавшийся международный конгресс 1870 г. в Париже не мог состояться вследствие войны между Францией и Пруссией).

Резолюция Лондонской конференции 1871 года знаменует дальнейший шаг в развитии и конкретизации тактических взглядов Маркса. Эта резолюция повторяла те места из устава и «Учредительного Адреса», в которых подчеркивалась необходимость политической деятельности, а также повторялись вышеприведенное постановление Лозаннского конгресса и заявление Генерального Совета по поводу мнимого заговора французского Интернационала накануне плебисцита 1870 г., где говорилось, что секции Интернационала в Англии, на континенте и в Америке имеют своей определенной задачей не только составлять центры организации рабочего класса, но и поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее достижению конечной цели Международной Ассоциации, т. е. экономическому освобождению рабочего класса, Против Интернационала,—продолжала резолюция,—стоит бесчисленная реакция, бесстыдно подавляющая всякое стремление рабочих к освобождению и стремящаяся с помощью грубой силы увековечить классовые различия и основанное на них политическое господство имущих классов. Рабочий класс может действовать против этой сплоченной силы имущих классов, только создавая особую политическую партию в противовес старым партиям имущих классов. Образование политической партии пролетариата необходимо для торжества социальной революции и ее конечной цели—уничтожения классов. То объединение индивидуальных сил, которого рабочий класс до известной степени уже достиг посредством своей экономической борьбы, должно также послужить рычагом в борьбе пролетариата против политической силы его эксплуататоров. На основании всего этого конференция напоминала всем членам Интернационала, что экономи-

ческая и политическая борьба пролетариата неразрывно связаны между собой.

Гаагский конгресс 1872 года, на который Маркс явился лично для того, чтобы отстаивать на нем дело всей своей жизни, подтвердил постановления Лондонской конференции и большинством голосов принял резолюцию бланкиста и бывшего члена Парижской Коммуны Вайяна, гласившую: «В борьбе за свое освобождение рабочий класс может действовать как класс, только организуясь в политическую партию, строго ограниченную от всех старых партий, созданных господствующими классами, и враждебную им. Такая организация рабочего класса в политическую партию необходима, чтобы доставить победу социальной революции и достигнуть ее конечной цели—уничтожения всяких классов. Сосредоточение сил, уже достигнутое трудящимся классом во время экономической борьбы, должно, вместе с тем, служить оружием и в его борьбе против политического господства землевладельцев и капиталистов. В борьбе трудящегося класса его экономическое движение и политическая деятельность связаны между собою неразрывно».

То обстоятельство, что Марксу удалось по этому вопросу одержать такую полную и легкую победу над бакунизмом, в значительной степени объясняется трагическим опытом Парижской Коммуны ¹⁾. Прежде всего Коммуна обнаружила полную организационную неподготовленность пролетариата. Этот урок не прошел бесследно для социалистов. На Гаагском конгрессе во время спора с бакунистами коммунары ²⁾ Ш. Лонге заявил, что, если бы 4 сентября 1870 года (день низвержения Второй Империи и провозглашения Третьей Республики) французские рабочие были организованы в политическую партию то события приняли бы другой оборот. «Борьба класса рабочих с классом капиталистов и их государством,—писал Маркс 17 апреля 1871 года в письме к Кугельману,—благодаря парижской борьбе вступила в новую фазу. Чем бы дело ни кончилось, новый исходный пункт всемирно-исторической важности завоеван». Коммуна неожиданно поставила проле-

¹⁾ Парижская Коммуна (вторая)—восстание парижского населения, преимущественно рабочего, против буржуазии, жестоко подавленное Версальским Национальным (Учредительным) Собранием. С 18 марта по 25 мая 1871 года власть над Парижем была в руках революционеров.

²⁾ Т. е. член Коммуны.

тариат перед необходимостью политической борьбы в самой острой ее форме, а именно в форме гражданской войны. А между тем рабочий класс всей своей предшествовавшей историей был мало подготовлен не только к такой решительной форме политической борьбы, но и вообще к нормальным видам политической деятельности. До тех пор Интернационал интересовался и занимался почти исключительно экономической борьбой. Поражение Коммуны властно заставило подумать о необходимости организации пролетариата в самостоятельную политическую партию, построенную на классовых началах и преследующую классовые цели. И эта рабочая партия должна была не только готовиться к отчаянным боевым схваткам, но и упражнять свои силы в повседневных политических конфликтах буржуазного общества для того, чтобы в решительный момент не оказаться неподготовленной.

Коммуне Маркс посвятил одно из самых блестящих своих произведений. Мы имеем в виду Манифест Генерального Совета, «Гражданская война во Франции», написанный Марксом. Опыт показал,—пишет он,—что рабочий класс не может просто овладеть существующим государственным механизмом и воспользоваться им для своих собственных целей; поэтому, пролетариат создает себе собственную организацию, построенную на принципе Коммуны ¹⁾. В призыве к созданию «социальной республики», которым началась февральская революция 48 года, выражалась лишь смутная потребность в такой республике, которая уничтожила бы не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна была определенной формой такой республики.

Настоящая тайна Коммуны заключалась в том, что она была правительством рабочего класса, результатом борьбы класса производящего против класса присваивающего, найденною, наконец, политической формой, при которой могла сложиться соответствующая интересам рабочего

¹⁾ Как показал опыт русской революции, „собственная“ организация пролетариата, служащая для осуществления его классовых интересов после захвата им государственной власти, это не Коммуна, т. е. местная дума, избранная на основе всеобщего голосования, а Советы депутатов, избранные одними трудящимися. Но, разумеется, предугадать эту форму пролетарской диктатуры не мог даже Маркс.

класса экономическая форма. Политическое господство производителя не может существовать рядом с увековечением его экономического порабощения. Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для уничтожения тех экономических основ, на которых зиждется существование классов, а стало быть— и классовое господство.

Рабочий класс,—говорит Маркс,—не требовал от Коммуны чудес. Ему не приходится заниматься осуществлением готовых утопий посредством всенародного решения. Он знает, что для того, чтобы достигнуть своего освобождения, а вместе с тем и той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современный строй под влиянием экономического развития, ему предстоит пережить долгую борьбу, целый ряд исторических превращений, которые совершенно изменят людей и окружающие их условия. Ему не нужно осуществлять идеала, ему нужно только дать простор элементам нового общественного строя, которые уже развились в недрах распадающегося буржуазного общества.

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революцией, когда простые рабочие впервые решились посягнуть на власть, до тех пор составлявшую исключительный удел имущих классов, и при необычайно трудных обстоятельствах стали исполнять свою работу скромно, добросовестно и успешно, старый мир пришел в бешенство при виде красного знамени, которое, как символ трудовой республики, развивалось над зданием парижской ратуши. Не следует кроме того забывать, что эта была первая революция, в которой пролетариат выступил в качестве носителя общенационального освобождения, в качестве единственного класса, способного еще проявить социальную инициативу. Даже парижская мелкая буржуазия, которая в июньские дни помогала «партии порядка» ¹⁾ сокрушать революционный пролетариат, на этот раз признала политическую гегемонию рабочего класса: впервые мелкие лавочники и ремесленники шли в бой с защитниками капитала под командой блузников-пролетариев. Великим социальным делом Коммуны был самый факт ее существования. И никакие отдельные ее промахи, ни тем более самый факт ее

¹⁾ Союз буржуазных, умеренно-республиканских и монархических групп, созданный в 1848 году для подавления революционного пролетариата.

неудачи не могут затемнить ее великого исторического значения.

Но Коммуна потерпела поражение, Интернационал распался; и Маркс, который надеялся, что на этот раз старый мир не выйдет победителем из надвинувшейся на него социальной грозы, снова испытал жестокое разочарование. Неожиданно высоко взмывшая волна массового рабочего движения быстро истощала свою энергию и разбилась на целый ряд отдельных национальных ручейков. После падения Коммуны снова начался период политической и социальной реакции, и хотя через десять лет в социалистическом движении снова стало заметно оживление, но Марксу не суждено было дожить до возрождения Интернационала.

С распадом старого Интернационала в 1873 г. кончается вторая полоса публичной политической деятельности Карла Маркса. От прежней его деятельности она отличалась своим чисто пролетарским характером. Общего же в них обоих было то, что в первый раз Маркс преувеличил революционные способности буржуазной демократии, а во второй раз—революционные силы пролетариата. Но если буржуазная демократия никогда не в состоянии была вскочить выше своей головы и если по отношению к ней Маркс действительно ошибся (что, впрочем, он первый же и констатировал), то рабочий класс всеми своими дальнейшими действиями доказал, что по отношению к нему ошибка Маркса была чисто временного и количественного характера: в оценке революционных способностей пролетариата Маркс не ошибся.

VI.

Содействие социалистическому движению в отдельных странах.

После распада Интернационала Маркс не принимал уже непосредственного участия в практической работе. Он ограничивался письменными и устными сношениями с вожаками национальных социалистических партий, главным образом, немецкой социал-демократической партии. Специально немецким социалистом Маркс не был, и Лассаль в конце 50-х годов даже упрекал его в некоторой утрате национального чутья. Как говорит о нем Лафарг, Маркс не ограничивал своей

работы и своих интересов пределами родины. «Я гражданин мира,—говорил он,—и где бы я ни находился, я—всюду работник». И действительно, всюду, куда бы ни забросили его события и политические преследования, во Франции, Бельгии и Англии, он принимает выдающееся участие в революционном движении.

Но, конечно, к немецкому социалистическому движению он стоял все-таки ближе, чем к другим. В Генеральном Совете Интернационала Маркс был представителем Германии ¹⁾. С 1849 г. вокруг него сгруппировался кружок преимущественно немецких эмигрантов, из коих некоторые, как, например В. Либкнехт ²⁾, играли впоследствии выдающуюся роль в организации германской социал-демократии. Начиная с 60-х годов, когда немецкое рабочее движение начало обнаруживать симптомы быстрого роста, Маркс стал уделять ему все большее внимание.

С 1849 и до 1862 года Маркс поддерживал довольно тесные сношения с Лассалем, которому суждено было сыграть такую решающую роль в пробуждении немецкого рабочего движения. Лассаль признавал себя учеником Маркса, но когда он начал свою знаменитую политическую агитацию, обнаружилось, что между ним и Марксом далеко не существует полной солидарности в социально-политических воззрениях и особенно в тактике.

Оба они одинаково надеялись, что Крымская война, положившая конец русской гегемонии в Европе, будет иметь своим последствием новое оживление революционного движения. Как известно, эта надежда непосредственно не оправдалась; но здесь проявилось уже первое разногласие между Марксом и Лассалем. Последний полагал, что война приведет к распаду Турции, а вместе с ней распадется и Австрия, распадение же Австрии означает создание единой немецкой республики. Напротив, Маркс рассматривал тогдашние события, как и всегда, с точки зрения общих интересов европейской революции. Считая главным врагом европейского революционного движения русский абсолютизм, Маркс признавал поражение России весьма важным для свободы европейских наро-

¹⁾ А также России, когда основалась в Швейцарии русская секция Интернационала.

²⁾ Вильгельм Либкнехт (1826—1900)—отец Карла Либкнехта.

дов. Это враждебное отношение к русскому абсолютизму заставило его даже поддаться влиянию Давида Уркварта, который выступил тогда в английской литературе с целым рядом сочинений, с одной стороны, восхвалявших турецкий народ и даже турецкие порядки, а с другой—разоблачавших тайные козни петербургской дипломатии. С особой ненавистью Маркс относился к Пальмерстону, в котором он видел «русского агента».

Следует заметить, что в истории Англии XIX века вообще наблюдалось следующее явление: когда у власти находились консерваторы, по отношению английского правительства к русскому становилось воинственным; наоборот, когда власть переходила в руки либералов, то отношение английского правительства к России становилось более дружелюбным. В этом характере английской дипломатии заключалась одна из причин, по которой Маркс с такой ненавистью относился к английским либералам. Он разоблачал двуличность политики, которая, с одной стороны, объявляла себя чемпионом освободительного движения во всей Европе, а с другой—выказывала угодливость перед главным врагом европейской свободы. При всей своей ненависти к Австрии, Маркс находил для нее смягчающие обстоятельства в том, что она «оказала беспомощное, непоследовательное, трусливое, но при всем том упорное сопротивление» успехам России на Ближнем Востоке. По его мнению, прекратить это сопротивление, пока революция сама еще не в состоянии собственными силами покончить с этими успехами, значит думать о выгодах своего врага.

Это разногласие между Марксом и Лассалем снова сказалось в их различном отношении к войне между Австрией и Францией в 1859 году. Опять-таки оба они ожидали от итальянской войны возрождения революционного движения в Европе, но в то время, как Лассаль судил о событиях с точки зрения немецких интересов, Маркс и Энгельс смотрели на них с точки зрения европейской революции: первый усматривал главного врага в Австрии, последний—в России. Так как, начиная войну с Австрией, Наполеон III опирался на союз с царем, то Маркс и Энгельс в этом франко-русском союзе увидели опасность, с которой нужно бороться не на живот, а на смерть. В бонапартовском заступничестве за Италию Маркс

видел лишь предлог для того, чтобы увековечить порабощение Франции, подчинить Италию интересам декабрьских авантюристов, перенести «естественную границу» Франции на Рейн и превратить Австрию в орудие России. При всех исторических преступлениях Австрии, она по отношению к бонапартистско-петербургской коалиции являлась, по мнению Энгельса, «одним из наших»: «если на нас нападут, то мы будем обороняться и защищать в таком случае всякую военную позицию, какой мы обладаем» (!).

С такой точкой зрения не мог согласиться Лассаль. Он не признавал, чтобы можно было мешать хорошему делу (в данном случае итальянскому освобождению) только потому, что его поддерживает дурной человек из своекорыстных побуждений. С другой стороны, Маркс и Энгельс преувеличивали возможность могучего национального движения немцев против русско-французской коалиции, движения, на которое они возлагали много надежд в смысле оживления революции в Европе. Ненависть к бонапартизму и к русскому абсолютизму в данном случае ослепляла их. Национальное движение в Германии того времени имело больше черносотенный, чем революционный характер; тогдашнее французоедство лишь отчасти было направлено против мерзостей бонапартизма, добрая же половина его, как верно замечает Меринг ¹⁾, вытекала из ненависти реакционного юнкерства к беспокойным французам во имя «Бога, короля и отечества».

Как бы то ни было, итальянская война сопровождалась общим подъемом политического настроения в Европе; в частности, в Германии с начала 60-х годов в среде рабочего класса началось оживление, которым умело воспользовался Лассаль для своей агитации. Маркс не хотел признать себя солидарным с общим характером этой агитации (выпрощен, при жизни Лассаля он открыто не выражал своего неодобрения). Маркс признавал, что Лассаль снова пробудил рабочее движение в Германии после 15-тилетней спячки,—и в этом его бессмертная заслуга. Но он слишком поддался влиянию переходящих условий момента и сделал центральным пунктом своей агитации государственную помощь производительным ассоциациям,—лозунг, заимствованный им у вождя француз-

¹⁾ В своей „Истории Германской Социал-демократии“.

ского католического социализма Бюше. К этому он присоединил лозунг чартистов—всеобщее избирательное право, но при этом он, по словам Маркса, упустил из виду различие немецких и английских условий и уроки бонапартистского режима, который умел превратить всеобщее голосование из орудия освобождения в орудие порабощения народа. Далее, как каждый обладатель панацеи от всех народных бед, он с самого начала придал своей агитации сектантский и почти религиозный характер. Как организатор секты, он отрицал всякую естественную связь с предшествующим движением; он впал в ошибку Прудона, который вместо того, чтобы искать реальный базис в действительных элементах классового движения, хотел предписывать последнему ход по определенному доктринерскому рецепту (здесь Маркс имеет в виду отношение лассальянцев к профессиональному движению, которое они хотели подчинить своей политической организации).

Все эти упреки Маркс лично высказал Лассалю в 1862 году, когда последний приехал в Лондон и предлагал Марксу стать вместе с ним во главе нового движения; он повторил их в 1868 году после смерти Лассалья в письме к Швейцеру, который унаследовал после смерти Лассалья руководство Всеобщим Германским Рабочим Союзом ¹⁾.

Что касается расхождения по вопросу о значении всеобщего избирательного права, то дальнейшее развитие социал-демократической партии в Германии внесло некоторые поправки в скептическую оценку всеобщего голосования Марксом. Маркс и Энгельс полагали, что пример наполеоновской Франции подрывает веру в революционное значение всеобщего голосования. Энгельс указывал в 1865 году на примере Франции, что правительство, располагая вымуштрованной бюрократией и вышколенной печатью, опираясь на отсутствие свободы союзов и собраний, может в стране с преобладающим сельским населением организовать самые послушные выборы. Какие же результаты дало бы всеобщее избирательное право в Германии, где феодальное дворянство обладает еще действительно социальной и политической силой и где на одного промышленного рабочего приходилось по два сельских батрака?

¹⁾ Название политической партии, основанной Лассалем. Впоследствии она вошла в состав объединенной социал-демократической партии Германии (в 1875 г.).

«Борьба против феодальной и бюрократической реакции в Германии равносильна борьбе за политическую и духовную эмансипацию сельского пролетариата, и до тех пор, пока последний не вовлечен в движение, городской пролетариат не может в Германии ничего поделать, до тех пор всеобщее и прямое избирательное право будет для пролетариата не орудием освобождения, а ловушкой». Интересно, что приблизительно так же, но с прямо противоположной точки зрения, смотрел на дело и Бисмарк, который полагал, что всеобщее и прямое голосование обеспечит правительству консервативное большинство (в чем он и оказался прав). Лассаль переоценил значение всеобщего избирательного права, выражая уверенность, что оно в самом непродолжительном времени приведет рабочий класс к победе. Но что всеобщее голосование оказалось возможным использовать в целях политического пробуждения широких масс, что в частности немецкая социал-демократия в значительной мере так быстро развилась именно потому, что сумела воспользоваться оружием всеобщего избирательного права, признал впоследствии сам Энгельс в предисловии ко 2-му изданию «Классовой борьбы во Франции» Маркса (1895 год). Но что увлечение всеобщим избирательным правом, возложение преувеличенных надежд на его возможные результаты и на использование парламентского механизма и избирательной агитации привели к вырождению социал-демократической партии, также оказалось справедливым.

Особенно же отрицательно относился Маркс к тактике Лассаля. Ожесточенная борьба с прогрессистской партией, осыпавшей Лассаля клеветами и ставившей всевозможные препятствия его агитации среди рабочих, толкнула Лассаля на целый ряд ложных шагов, главным из которых было его сближение с Бисмарком. Здесь Лассаль переступил ту грань, которая отделяет политику от политиканства, и за которой начинаются рискованные политические авантюры. Забывая намеренное положение Маркса: «личности обманываются, классы же никогда», Лассаль надеялся повлиять на Бисмарка, этого сознательного представителя класса реакционных землевладельцев, в смысле предоставления известного простора рабочему движению и введения всеобщего избирательного права. Он хотел использовать ненависть Бисмарка к бур-

жуазному либерализму, который в то время вел с прусским правительством ожесточенную борьбу за парламентаризм, но он забывал, что, во-первых, Бисмарк всегда охотнее сойдется с буржуазией против революционного пролетариата, чем наоборот, а во-вторых, что своим поведением он, Лассаль, вносит смуту в умы рабочего класса и не проясняет, а затемняет его классовое сознание. Бисмарк и без того готов был пускаться на самые низкие демагогические уловки; он не прочь был подчас поговорить о том, что монархия Гогенцоллернов является-де монархией неимущих. И вот своим сближением с будущим «железным канцлером» Лассаль как бы шел навстречу воскрешению легенды о «социальной монархии».

С такого рода гигантским политическим промахом Маркс никогда не мог примириться. Как глубоко он к тому времени ни разочаровался в революционном значении буржуазии, как горячо он ни сочувствовал высвобождению пролетариата из-под идейного и политического влияния буржуазного либерализма, тем не менее он с наибольшей ненавистью относился ко всему тому, что могло закрепить традиционную черносотенную легенду «о добром короле». В освобождении из-под власти этой легенды, которой везде питается монархия, он видел первый шаг к идейной и политической эмансипации трудящихся. А потому он никак не мог одобрить такой борьбы с политической гегемонией буржуазного либерализма, какую позволял себе Лассаль и которая по временам переходила в демагогию.

Непосредственно после смерти Лассалья Швейцер предложил Марксу взять на себя президентство во Всеобщем Германском Рабочем Союзе, но Маркс отклонил это предложение, не желая выказывать солидарности с лассалевским движением. Однако, Маркс и Энгельс согласились (правда, с большой неохотой) сотрудничать в новом органе Союза «Социал-Демократе», в редакцию которого вступил В. Либкнехт. Недоразумения скоро не замедлили, конечно, возникнуть. Если в статье Маркса о Прудоне, помещенной в «Социал-Демократе» после смерти французского социалиста, всякий внешний компромисс с предрержащими властями был объявлен нарушением простого нравственного такта, то в том же органе появились статьи Швейцера, в которых допускалось восхваление прусских правящих сфер. Маркс и Энгельс неоднократно требо-

вали, чтобы по отношению к министерству и реакционной партии употреблялся столь же смелый язык, как по адресу прогрессистской ¹⁾ партии, и в конце-концов заявили, что тактика, которой следует «Социал-Демократ», исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в газете.

В 1869 г. на конгрессе в Эйзенахе сложилась при участии Бебеля и В. Либкнехта социал-демократическая рабочая партия, стоявшая близко к Марксу и непосредственно примыкавшая к Интернационалу. После многолетней ожесточенной борьбы обе партии, фактически сильно приблизившиеся одна к другой и подвергавшиеся одинаковым гонениям со стороны прусской прокуратуры, решили слиться воедино. Это объединение произошло на Готском конгрессе в 1875 году. Маркс противодействовал объединению обеих партий, но работавшие на местах практические деятели на этот раз не послушались его совета, и объединение все-таки состоялось. Съезд принял программу, бывшую компромиссом между программами эйзенахцев и лассальянцев. Маркс подверг крайне придирчивой и резкой критике проект Готской программы в письме к Ауеру, Бебелю, Либкнехту и другим ²⁾. Не останавливаясь на вопросе о труде, как единственном источнике богатства, о «железном законе заработной платы», о производительных ассоциациях и т. д., мы отметим только критические замечания Маркса, направленные против утверждения Готской программы, что по отношению к пролетариату все другие классы являются «сплошной реакционной массой». Для понимания политических взглядов Маркса после революции 1848—49 г.г. это место чрезвычайно характерно.

Во-первых, Маркс указывает, что даже крупная буржуазия не может быть зачислена в один реакционный блок с силами старого докапиталистического общества. Уже в Коммунистическом Манифесте буржуазия, как носительница экономического прогресса, разрушающего старые социальные основы, характеризуется как революционный класс по отношению к феодальному землевладению и промежуточным социальным

¹⁾ Партия буржуазного либерализма (вроде наших кадетов).

²⁾ Это письмо не подлежало огласке: оно, по свойству ной Марксу жепетильности, предназначалось лишь для немногих руководящих товарищей и было опубликовано только в 1891 году.

элементам. С другой стороны, эти промежуточные элементы— мелкая буржуазия, крестьянство и т. д.—благодаря процессу пролетаризации и пауперизации становятся революционными, в виду предстоящего им перехода в пролетариат. В таком случае они пополняют ряды революционной буржуазной демократии, которая (как это было, например, во время Коммуны) может идти рука об руку с пролетариатом в его борьбе с крупной буржуазией. На этом основании Маркс отказывается признать все другие классы кроме пролетариата сплошной реакционной массой ¹⁾).

Замечания Маркса были приняты во внимание. Очень возможно, что если бы не исключительный закон против социалистов, который заставил партию с 1878 до 1890 года сосредоточить все свои силы на борьбе за существование, то программа была бы исправлена в смысле марксовых указаний еще раньше. Но в действительности только на Эрфуртском конгрессе 1891 г. программа социал-демократической партии была окончательно переработана в этом духе, и из нее были вытравлены последние следы лассальянства.

После Готского конгресса Маркс начал с неудовольствием поглядывать на деятельность немецкой социалистической партии, в которой он замечал признаки растущего оппортунизма. Но, верные партийной дисциплине, он и Энгельс воздерживались от публичной критики партии и отводили душу в частной переписке с партийными вождями. Вероятно, если бы они могли тогда предвидеть, к чему приведет эволюция с.-д. партии, они не ограничились бы товарищеской перепиской с вождями движения.

С расширением социалистического движения и с присоединением к партии многих новых элементов—в частности, из среды мелко-буржуазной интеллигенции—теоретический уровень партии стал заметно понижаться. В издававшемся доктором Гехбергом в Берлине журнале «Будущность» (*Die Zukunft*) теоретический социализм был отброшен на полвека назад в сравнении с Коммунистическим Манифестом. Начиналось движение, отчасти напоминавшее будущий «ревизио-

¹⁾ Опыт русской революции показал, что мелкое крестьянство готово выступать рука-об-руку с пролетариатом против помещиков и капиталистов. На этом построена и аграрная программа Коммунистического Интернационала).

низм» ¹⁾, и понятно, с каким негодованием Маркс должен был относиться к этому теоретическому падению. 19 октября 1877 года он писал Зорге: «в Германии в нашей партии не столько среди ее массы, сколько среди ее вожжаков («рабочих» и людей привилегированных классов) пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами ²⁾ привел к компромиссу не только с разными другими полужайками, как например, в Берлине (см. Моста) ³⁾ с Дюрингом ⁴⁾ и его «поклонниками», но и с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, т.е. заменить его материалистическую базу (требующую раньше, чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и брат-

¹⁾ „Ревизионизм“ (от слова „ревизия“—пересмотр)—движение, направленное к пересмотру учения К. Маркса в мелко-буржуазном и соглашательском духе. Определенное литературное выражение „ревизионизм“ получил в статьях Эд. Бернштейна, печатавшихся в 1897—8 г.г. в теоретическом журнале германской с.-д. партии „Neue Zeit“, выходившем под редакцией К. Каутского, и вскоре после того выпущенных отдельной книгой („Предпосылки социализма“; есть и русский перевод). Сущность „ревизионизма“ сводится к отрицанию обострения классовой борьбы, растущего обнищания пролетариата, необходимости социальной революции и диктатуры пролетариата, а также к признанию социал-демократии партией реформистской, долженствующей работать вместе с либеральной и демократической буржуазией для достижения социальных реформ. Хотя учение Бернштейна на словах отвергалось партийными с'ездами, тем не менее оно выражало действительные взгляды большинства представителей партийной и профессиональной бюрократии и отражало реальную практику с.-д. партии. В конце концов „ревизионисты“ оказались в с.-д. партии в большинстве, как это обнаружилось во время последней мировой войны. Теперь эти взгляды господствуют как в германской социал-демократической партии, так и вообще среди партий 2-го Интернационала.

²⁾ Соглашению „эйзенахцев“ (с.-д. рабочей партии) с лассальянцами нельзя целиком приписывать появление ревизионистских течений в объединенной партии, так как и среди эйзенахцев было немало элементов, стоявших по существу не на коммунистической, а на буржуазно-демократической позиции.

³⁾ Иоганн Мост, бывший видный член с.-д. партии из рабочих, начал впадать в анархизм после введения исключительного закона против социалистов (в 1878 г.). Исключенный из партии, окончательно впал в анархизм; эмигрировал в Лондон, где издавал газету „Свобода“ (Freiheit) чисто анархического направления.

⁴⁾ Евгений Дюринг—германский философ и экономист. В своих лекциях и писаниях резко нападал на социализм, чем вызвал заслуженную отповедь в известной работе Ф. Энгельса—„Переворот в науке, произведенный г. Дюрингом“ (рус. пер.: „Философия, политическая экономия, социализм“). Работа Энгельса была вызвана еще тем, что среди членов с.-д. партии нашлись элементы, сочувствующие Дюрингу; в частности увлекался Дюрингом будущий анархист, а тогда еще видный с.-д. агитатор Мост (см. выше).

ства. Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию издатель журнала «Будущность», господин доктор Гехберг—допускаю, с самыми благими намерениями, но я на всякие «намерения» плюю».

Уже тогда Эдуард Бернштейн отличался среди оппортунистов. Маркс с негодованием говорил о «цюрихском трио», состоявшем из Гехберга, Бернштейна и Шрамма. Когда Бебель в 1879 году сообщил Марксу и Энгельсу о намерении товарищей издавать в Цюрихе партийный орган ¹⁾ и просил позволения внести их имена в список сотрудников, они дали свое согласие на том условии, что ответственным редактором будет Гирш. Только на последнего они надеялись, что он «удержит на почтительном расстоянии от газеты смесь из докторов, студентов и катедер-социалистов, подобную той, которая так широковещательно пишет в «Будущности» и уже проникает в „Vorwärts“ ²⁾ и сможет гарантировать, что в возникающем органе партийная тенденция будет сохранена». В конце-концов дело не состоялось, а Маркс и Энгельс отказались от сотрудничества в партийном органе.

Маркс возмущался против этих «ничтожеств» в теоретическом и практическом отношении, которые собирались сделать партию умереннее, поднять ее значение в глазах мелкой буржуазии и «просветить» рабочих. Маркс и Энгельс в циркулярном письме к Бебелю, Бракке и другим партийным лидерам потребовали, чтобы оппортунистические взгляды не высказывались, по крайней мере, в руководящем партийном органе, т.-е. в цюрихском «Социал-Демократе», угрожая в противном случае выступить с открытым протестом против такого опошления теории и партии. С особой же силой Маркс протестовал против «парламентского кретинизма», уже успевшего овладеть партийными вожаками.

Редактирование заграничного партийного органа «Социал-Демократ» взял на себя Фольмар, который тогда еще не был

¹⁾ Издание партийного органа за границей вывато было исключительным законом против социалистов, принятым в 1878 г., и начавшимся после того белым террором, направленным против с.-д партии правительством Германии.

²⁾ „Вперед“ тогдашний центральный орган с.-д. партии; „Будущность“—журнал Гехберга и К-о, которая так возмущала Маркса своими буржуазными пошлостями.

тем, чем он сделался впоследствии ¹⁾. Хотя он вел газету неважно, однако дело не дошло до открытого разрыва со «стариками». Маркс и Энгельс, хотя и продолжали писать ругательные письма германским товарищам, все-же считались с их трудным положением в стране, где свирепствовал исключительный закон. Так в письме от 5 ноября 1880 года Маркс писал своему другу Зорге, проживавшему тогда эмигрантом в Америке: «Тем, кто сравнительно спокойно сидит за границей, не подобает еще больше отягчать, к радости буржуазии и правительства, положение людей, работающих на родине среди крайне тяжелой обстановки и с большими личными жертвами».

Когда в конце 1880 года Фольмар сложил с себя редактирование «Социал-Демократа», снова встал вопрос о приглашении Гирша в качестве редактора. А так как Гирш проживал в это время в Лондоне, то Бебель, уже тогда игравший в партии центральную роль, решил лично съездить туда, чтобы переговорить с Гиршем, а заодно уже и потолковать основательно со «стариками», т. е. с Марксом и Энгельсом. С собою Бебель прихватил и Бернштейна, который к тому времени спрятал свой ревизионистский хвост ²⁾, стараясь всячески доказать свою преданность партии. В партийных кругах эту поездку Бебеля в Лондон называли шествием в Каноссу. «Старики» встретили кающихся грешников милостиво. И хотя с Гиршем дело не сладилось, но со стариками установились дружеские отношения. Редактором центрального органа назначен был Бернштейн, который хорошо исполнял свои обязанности и старался не давать старикам поводов к недовольству.

Выборы 1881 г., первые после объявления исключительного закона против социалистов, показали, что партия сумела сохранить свое влияние на рабочие массы и с честью устояла против белого террора. Это сильно примирило стариков с местными партийными деятелями, а Энгельс высказал свою радость в самых бурных выражениях. Эти выборы, а также стойкая борьба партии против исключительного закона

¹⁾ В 1891 г. Фольмар выступил в качестве первого открытого пропагандиста ревизионизма и соглашательства.

²⁾ Снова и окончательно он проявил его только после смерти Энгельса, последовавшей в 1895 году.

обнаружили, сколько дельных элементов имеется в германском пролетариате, и внушили Марксу веру в будущие судьбы германского рабочего движения.

С глубоким интересом Маркс следил также за французским рабочим движением. Уже через несколько лет после разгрома Коммуны французские рабочие начали снова образовывать организации, в первое время носившие исключительно умеренно-профессиональный характер. Маркс не упрекал их за это, так как прекрасно понимал, что в противном случае они немедленно были бы уничтожены правительством. В профессиональных же союзах, как он писал в 1874 году к Зорге, французские рабочие имели в своем распоряжении, во-первых, некоторую организацию, а во-вторых, исходный пункт более широкого движения, как только это, конечно, стало бы возможным.

Уже в 1876 г., когда продолжали еще действовать военные суды, добывавшие остатки Коммуны, собрался в Париже первый рабочий съезд. Правда, он носил совершенно умеренный и корпоративный характер, не ставил себе политических, а тем более революционных задач, но это был первый шаг, первое открытое выступление рабочего класса после разгрома 1871 года. Раз возобновившись, рабочее движение быстро пошло вперед, и коммунистическая агитация нашла в массах благоприятную почву для своего распространения.

Наиболее выдающиеся представители французской эмиграции, ознакомившись с учением Маркса, не замедлили присоединиться к нему. Многие бывшие бланкисты и даже бакунисты (как Жюль Гэд)¹⁾ стали на точку зрения научного социализма. Возвратившись во Францию, они явились проводниками марксистских идей в рабочую массу. К Гэду впоследствии присоединился в Париже зять Карла Маркса, Поль Лафарг, вернувшийся во Францию после майской амнистии

¹⁾ Жюль Гэд (1845—1922)—революционный журналист, приговоренный в 1871 г. к 5-летнему заключению за защиту Парижской Коммуны; эмигрировал в Швейцарию, где примкнул к бакунистам; по возвращении в 1876 г. во Францию выступил уже в качестве марксиста. Является основателем французского коммунизма, на страже которого стоял до войны 1914 года, борясь неустанно со всеми проявлениями соглашательства во французском рабочем движении. Во время войны разделил участь большинства вождей 2-го Интернационала, вступил в министерство и поддерживал империалистическую буржуазию. В последние годы по болезни не участвовал активно в политической жизни.

коммунаров в 1880 году ¹⁾, и оба они, в теснейшем общении с Марксом, дали возобновлявшемуся французскому рабочему движению то, чего ему до сих пор недоставало: доктрину научного коммунизма.

Особенную энергию проявил в деле коммунистической пропаганды среди французских рабочих Жюль Гэд, первоклассный оратор и агитатор. Вскоре он и собравшаяся вокруг него группа революционеров достигли значительных успехов. На втором рабочем конгрессе в 1878 г. в Лионе уже образовалось революционно социалистическое меньшинство, выступавшее под руководством Гэда. А на третьем рабочем конгрессе в Марселе в 1879 году эта группа добилась большинства и положила основание социалистической рабочей партии.

Маркс горячо приветствовал возрождение социалистического движения во Франции. С восторгом отметил он в своей переписке поражение «антикоммунистической банды» на Марсельском конгрессе, а в следующем году он получил возможность принять непосредственное участие в создании французской рабочей партии.

Когда французская рабочая партия успела создать свои кадры, решено было приступить к выработке партийной программы, формулирующей новые идейные завоевания французского социализма. Для этого Гэд и рабочий Ломбар прибыли в Лондон, и здесь на совещании с Марксом, Энгельсом и Лафаргом выработана была, в виду предстоявших парламентских выборов, знаменитая программа Французской Рабочей Партии, принятием которой французский социализм приобщился к широкому потоку международного социалистического движения. Эта программа, по словам Маркса, наряду с некоторыми ненужностями (как, например, законодательное установление минимальной заработной платы) состоит в своей экономической части из требований, реально вытекающих из самого рабочего движения, а во введении в общих чертах определяются общие коммунистические цели.

¹⁾ Поль Лафарг (1842—1911)—главный теоретик французского коммунизма; участник 2-го Интернационала; ярый сторонник Маркса, на дочери которого Лафарг женился. В 1911 г. вместе с женой покончил самоубийством, не желая дожить до старческой дряхлости. Остался верен коммунизму до конца. См. о нем мою брошюру: „Поль Лафарг, боец революционного коммунизма“.

Приводим эту общую часть, интересную тем, что она составлена при непосредственном участии самого Маркса.

«Принимая во внимание,—гласит эта мотивировка,—что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода без различия пола и расы; что производители не могут сделаться свободными иначе, как овладев средствами производства (землей, фабриками, путями сообщения, банками, кредитом и т. д.); что существуют только две формы, в которых средства производства могут им принадлежать: 1) форма индивидуальная, которая никогда не была общим явлением и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом; 2) форма коллективная, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества; принимая во внимание, что это коллективное присвоение средств производства может быть осуществлено лишь революционным действием производительного класса или пролетариата, организованного в особую политическую партию; что к подобной организации следует стремиться всеми средствами, которыми располагает пролетариат, в том числе и всеобщим избирательным правом, превращая его таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения...»

Поясняя значение этой программы, Маркс пишет: «Низвести французских рабочих с облаков туманных фантазий в мир действительности было большим шагом вперед, и этот акт недаром вызвал много нареканий со стороны всяких сумасбродных голов, живущих исключительно туманным фразерством». Высказывая уверенность, что отныне во Франции начинается «первое действительное рабочее движение», свободное от гегемонии радикальной буржуазии, Маркс добродушно прибавляет, обращаясь к Зорге: «Излишне говорить тебе (так как ты сам знаешь французский шовинизм), что тайные нити, которыми от Гэда-Малона лидеры 1) до Клемансо 2) при-

1) Бевуа Малон (1841—1893)—французский рабочий, член 1-го Интернационала; после подавления Коммуны бежал за границу, где поддерживал бакунистов против Маркса. Вернувшись в 1880 г. во Францию, основал журнал „Revue Socialiste“, в котором одно время участвовали и Маркс с Энгельсом. Сначала работал вместе с Гэдом и Лафаргом, но затем вместе с Вруссом (тоже бывшим анархистом) основал умеренную партию „поссибилистов“.

2) Жорж Клемансо (род. 1841)—французский политический деятель. Во время Коммуны пытался играть примирительную роль между Парижем

водились в движение, исходили от нас. Пусть это останется между нами. Об этом не следует говорить. Если хочешь что-нибудь делать для господ французов, то должен это делать анонимно, чтобы не задевать их национального чувства. Анархисты и без того называют наших товарищей прусскими агентами, стоящими под диктатурой «известного прусского агента Карла Маркса».

Таким образом, французскому социалистическому движению при непосредственном участии Маркса дан был толчок к решительному развитию в направлении к созданию массовой пролетарской партии. С этого момента начинаются его действительные успехи.

Верный своей старой мысли, Маркс после поражения Коммуны ждал новой европейской войны, которую, по его мнению, приходилось пережить раньше, чем думать о каких бы то ни было решительных выступлениях европейского рабочего класса. Когда началась русско-турецкая война 1877 года, Маркс думал, что настал вожделенный миг. В то время в Англии министерство находилось в руках либералов, и Маркс по старой привычке «в продолжение нескольких месяцев поддерживал инкогнито перекрестный огонь в лондонской фешенебельной прессе против руссофила Гладстона; а в английской, шотландской и ирландской провинциальной прессе я,— продолжал Маркс,—раскрыл его совместные проделки с Новиковой, агентом русского посольства в Лондоне, и т. д. Через посредство же Барри я влиял на членов английской верхней и нижней палаты, которые пришли бы в большой ужас, если бы узнали, что Red-Terror Doctor¹ как они меня на-

и реакционным Версальским Собранием. В 1878 г. был избран депутатом в палату, где выступил в качестве крайнего радикала. Его резкие выступления против монархистов и умеренных республиканцев («оппортунистов») сделали его кумиром буржуазной демократии и даже снискали ему отчасти симпатии Маркса. В основанной им радикальной газете «Жюстис» (Справедливость) работал другой зять Маркса—Шарль Лонге, который, впрочем, всегда был крайне умеренным соглашателем и противником коммунизма (это отец Жана Лонге, нынешнего вождя умеренной французской социалистической партии и одного из лидеров 2½-го Интернационала). Впоследствии Клемансо сделался самым ярким врагом рабочего движения и социализма. Его роль во всемирной войне, где он выступал в качестве вождя крайних империалистов, а затем непримиримого врага Советской России, общеизвестна.

¹) Достопочтенный доктор террора.

зывают, руководил ими во время кризиса на Ближнем Востоке».

По мнению Маркса, этот кризис явился «новым поворотным пунктом в истории Европы». Он думал, что на этот раз революция начнется с Востока, служившего до тех пор главным оплотом контр-революции. Изучивши внутреннее состояние России по официальным и неофициальным источникам, между прочим, по земской статистике, он пришел к тому убеждению, что Россия давно уже стоит на пороге глубоких потрясений, и что все необходимые для этого элементы уже созрели. Он надеялся, что взрыв в России будет ускорен неудачами русской армии на Балканах и расстройством русских финансов. «Переворот начнется по всем правилам искусства с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества... Французский кризис (борьба буржуазных республиканцев с монархистами) в сравнении с восточным имеет второстепенное значение».

Марксу не суждено было дожить до этого торжества. Но для глубокой проницательности этого великого политического деятеля характерно, что он уже тогда сумел понять великое значение русской революции в освободительной борьбе пролетариата. Маркс не дожил до этой революции ¹⁾ и вообще до возобновления широкого революционного движения в Европе, но он умер с глубокой верой в близкое образование нового, на этот раз определенно коммунистического, Интернационала и конечную победу пролетариата, для организации и просвещения которого он сделал больше, чем кто-либо.

¹⁾ В высшей степени замечательно, что еще в 1870 г. Маркс предсказал, что результатом франко-прусской войны явится когда-нибудь война Германии с Россией, и что эта война приведет в России к революции. Вот что он писал к своему другу Зорге 1 сентября 1870 г.: „Настоящая война, чего прусские ослы понять не могут, точно так же поведет к войне между Россией и Германией, как война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией, и это будет наилучшим следствием теперешней войны по отношению к Германии. Истинное пруссачество никогда не существовало и существовать не может иначе, как только в союзе с Россией и в рабской от нее зависимости. Кроме того, такая война № 2 сыграет по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повивальной бабки“. (Переписка Зорге стр. 20).

Итак, Маркс ждал от русско-германской войны освобождения и России, и Германии. По отношению к России его пророчество уже исполнилось. Будем надеяться, что вскоре оно оправдается и по отношению к Германии!

VII.

Из личной жизни Маркса.

Наш очерк был бы не полон, если бы мы не сказали несколько слов о личной жизни великого борца и социалистического мыслителя.

Уже одна наружность Маркса обращала на себя внимание. Вот как описывает его немецкий буржуазный демократ 40-х годов Карл Шурц («Из воспоминаний революционера», «Русское Богатство», 1906, № 12, и отдельно): «Ему было в то время (т.-е. во время конгресса демократических союзов в Кельне в 1848 г.) 30 лет, и он уже считался признанным главою социалистической школы. Невысокого роста, крепко сложенный, с широким лбом, с черными волосами, густою бородой и темными блестящими глазами, он сразу привлекал внимание... Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично и ясно. Но нигде я не встречал человека, отличавшегося таким оскорбительным и нестерпимым высокомерием. Ни одного мнения, сколько-нибудь отличного от его собственного, он не удостаивал благосклонного отзыва. Ко всякому, кто ему противоречил, он относился с худо-скрываемым презрением. На каждый неприятный ему довод он отвечал или едкой насмешкой над жалким невежеством говорившего, или оскорбительным заподозриванием его побуждений. Я до сих пор помню тот резко саркастический тон, которым он произносил слово *бюргер* (буржуа, мещанин)».

Что так относились к великому идеологу пролетариата сентиментальные буржуазные демократы, которых он никогда не щадил, совершенно естественно. Но для нас, его последователей и сторонников его идей, даже из этого тенденциозного описания, стремящегося очернить Маркса, встает великая фигура убежденного пророка и прирожденного вождя, разоблачавшего невежество прекраснодушных демократов или же основательно заподозрившегося их классовые побуждения. Интересно, что аналогичное впечатление Маркс произвел и на русского интеллигента 40-х годов, «туриста» Анненкова, встречавшегося с Марксом в Брюсселе в 1846 году.

«Маркс,—пишет Анненков («Вестник Европы», 1880, № 4),—представлял из себя тип человека, сложенного из

энергии, воли и несокрушимого убеждения,—тип крайне замечательный и по внешности. С густою черною шапкою волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однакоже, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны; все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий как металл, удивительно шел к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые он произносил. Маркс уже и не говорил иначе, как такими безапелляционными приговорами, над которыми, впрочем, еще царствовала одна, до боли резкая нота, покрывавшая все, что он говорил. Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и вести их за собой. Передо мною стояла олицетворенная фигура демократического диктатора.

Это презрительное и враждебное отношение Маркса ко всему тому, в чем он видел помеху для освободительного движения пролетариата, к мещанскому идеализму и фразерству, ко всем видам революционной романтики и оппортунизму, объяснялось его глубокою убежденностью в правоте исповедуемых им идей и в величии той цели, которой он отдал все силы своего ума и сердца. Личных врагов у Маркса не было или, вернее, его личными врагами были все те, кто сознательно, из классовых или иных побуждений, становился поперек дороги освобождению пролетариата, а значит, и всего человечества, или те, кто своими непродуманными учениями или легкомысленными поступками вольно и невольно препятствовал скорейшему достижению этой цели. Беспощадное отношение к сознательным врагам социализма и к «негодным теоретикам» его сочеталось в Марксе с крайне бережным, можно сказать, нежным отношением ко всем проявлениям рабочего движения, как бы последние ни были по временам далеки от идеала самого Маркса. Беззаветное служение интересам пролетариата и человечества и колоссальные заслуги Маркса перед всемирным рабочим движением давали ему право на те черты и поступки, которые вызывали такое негодование со стороны людей, имевших несчастье заслужить его гнев.

К людям, в которых он видел верных и бескорыстных слуг пролетариата, Маркс относился совершенно иначе. Достаточно прочесть воспоминания В. Либкнехта или Лафарга о Марксе ¹⁾, чтобы убедиться, что под суровой внешностью мыслителя-борца скрывалось нежное, любвеобильное и чуткое сердце. И те, кто, подобно Либкнехту, имел счастье долго прожить в обществе этого гениального ученого-революционера и обаятельного собеседника, всю жизнь благодарили судьбу за выпавший на их долю завидный удел. Строгий к самому себе, Маркс был столь же строг и к людям, которых он дарил своей дружбой и уважением. С первого же знакомства он подвергал их придирчивому экзамену и впоследствии строго следил за ходом их умственной работы. Но зато люди, прошедшие школу Маркса и долго жившие в его обществе, развивали свой ум, закаляли характер и, подобно тому же Либкнехту, на всю жизнь оставались верными «солдатами революции».

Сам он не переставал учиться всю жизнь. По колоссальности и всесторонности своих знаний он не имел себе равного, а по той роли, которую Маркс сыграл в истории науки XIX века, его можно сравнить, пожалуй, только с Дарвином. Но сильно ошибся бы тот, кто вздумал бы представлять себе Маркса в виде сухого специалиста, погрязшего в изучении политической экономии и статистики и видевшего свет только в этом окошке. Помимо основательного знакомства с философией и историей, Маркс был еще великолепным филологом. Он прекрасно знал не только все новые европейские языки, но и в области древних языков был как у себя дома. Либкнехт был филологом по специальности, но перед Марксом он пасовал, и великий ученый радовался как ребенок, когда мог предложить своему более молодому другу какое-нибудь трудное место из Аристотеля или Эсхила, в котором тот не мог сразу разобраться. Произведения всех выдающихся поэтов он читал в подлиннике. Гейне и Гете он знал наизусть; Эсхила и Шекспира, которых он считал величайшими драматическими гениями, он изучил основательно; Данте и Бернс также принадлежали к числу любимых им поэтов. Уставши от научной работы, он принимался за чтение романов, которые поглощал в огромном количестве; он любил Поль де-Кока, Але-

¹⁾ Те и другие имеются в русском переводе.

ксандра Дюма-отца и Вальтер-Скотта, но выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака. Наряду с поэзией и романами, другим средством для отдыха от напряженного умственного труда была для Маркса математика; углубившись в нее, он находил забвение от страданий, причиняемых ему болезнью жены. В таком состоянии он написал свою работу об исчислении бесконечно малых, которая, по отзывам ознакомившихся с нею специалистов-математиков, представляет большую ценность.

Работал он с величайшей усидчивостью и необыкновенной добросовестностью. Никогда не довольствуясь сообщением из вторых рук, он всегда обращался к первоисточникам, с каким бы трудом это ни было сопряжено; об этом свидетельствуют хотя бы примечания к «Капиталу». До конца дней своих Маркс не переставал учиться. Уже когда ему было 50 лет, он принялся за изучение русского языка и через 6 месяцев настолько овладел им, что мог в подлиннике наслаждаться чтением Пушкина, Гоголя, Щедрина и Чернышевского ¹⁾, которого он особенно уважал. Мы уже говорили, что к изучению русского языка Маркс обратился для ознакомления с трудами наших земских статистиков, о которых он отзывался как об «описи имущества, которую старая Россия составляет перед смертью».

Работал Маркс, не щадя своего здоровья и сил. Между 8-ю и 9-ю часами утра он вставал, наскоро выпивал свой черный кофе, прочитывал газеты и отправлялся в свой кабинет, где работал до двух—трех часов ночи; в юности он имел привычку проводить за работой целые ночи напролет. Умственная работа была его страстью; из-за нее он нередко забывал даже о еде; его львиная голова, казалось, стягивала к себе все соки организма, и за усиленную работу могучего мозга приходилось расплачиваться бедному желудку. Маркс страдал отсутствием аппетита, которое заставляло его прибегать к острым блюдам. Единственное, чем он поддерживал свой безжалостно изнуряемый непосильной работой организм, была ходьба. Каждый вечер, если позволяла погода, он совершал прогулку

¹⁾ Н. Г. Чернышевского Маркс называл „великим русским ученым и критиком, мастерски осветившим банкротство буржуазной политической экономии“ (Маркс, очевидно, имел в виду примечания Чернышевского к Миллю).

за город. В конце концов Маркс сильно надорвал свое здоровье, но до тех пор, пока он не свалился с ног, он не оставлял своей работы. Несмотря на свое необыкновенно крепкое сложение, Маркс уже в конце 50-х годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Врачи запретили ему ночную работу, но, как только он поправился, он снова вернулся к своей старой привычке. В конце концов у него появилась болезнь печени и общее расстройство организма. Только в самые последние годы Маркс отказался от ночных работ, но было уже слишком поздно. И Либкнехт справедливо замечает, что к Марксу более, чем к кому-либо, применимо известное выражение: «гений—это прилежание».

Вся эта гигантская работа производилась не по материальным соображениям, а по чисто-идеалистическим мотивам: Маркс, употребляя одно из его любимых выражений, «работал для мира». Либкнехт метко замечает: «*Капитал* отнял у него 40 лет, 40 лет такой работы, на которую только Маркс был способен. И я не преувеличу, если скажу: последний поденщик в Германии за 40 лет получил больше платы, чем Маркс гонорара, т.-е. почетной платы, за одно из двух величайших научных произведений текущего столетия (второе из этих произведений—сочинения Дарвина)». Сам Маркс шутиливо замечал, что «*Капитал*» не принес ему столько, сколько стоили сигары, выкуренные во время его писания, но он сознавал, что «наука не должна служить эгоистическому наслаждению: тот, на чью долю выпало счастье всецело посвятить себя науке, должен с готовностью отдавать свои знания на служение человечеству».

А между тем, во время продолжительной эмигрантской жизни Марксу неоднократно приходилось испытывать сильную материальную нужду. Известен анекдот о том, как Маркс, относивший в ломбард фамильное серебро своей жены с графскими гербами, едва не подвергся аресту, так как служащие заподозрили в этом лохматом и неряшливо одетом человеке вульгарного мазурика. Возможно, что материальная нужда и вообще тяжелые условия скитальческой жизни отразились на судьбе самого Маркса, его жены и детей. Оба сына Маркса умерли очень рано. Смерть второго сына, на которого родители возлагали большие надежды, произвела потрясающее впечатление на отца: он пришел в такое отчаяние, что друзья

боялись, как бы он не прыгнул вслед за гробом в могилу. У Маркса были три дочери: одна из них впоследствии вышла замуж за бывшего коммунара Шарля Лонге и умерла в начале 1883 г.; вторая, Лаура, вышла за Лафарга и покончила самоубийством вместе с мужем в 1911 г.; третья, самая выдающаяся, Элеонора, впоследствии вышла за английского социалиста Эвелинга и в 1898 г. покончила самоубийством вследствие неудачно сложившейся личной жизни.

Маркс был очень нежным отцом. Целые часы он проводил в играх с детьми, а под старость с внуками. Дочери обращались с ним по-товарищески и называли его не отцом, а «маваром» (прозвище, которое он получил за смуглую кожу и черные, как смола, волосы). В воскресные дни дочери не разрешали ему работать; в эти дни вся семья вместе с Еленой Демут, преданной экономкой, сделавшейся членом семьи, и близкими друзьями отправлялась гулять за город.

Изгнанническая жизнь скрашивалась для Маркса мягкой и возвышенной натурой его любимой жены. Несмотря на свое аристократическое происхождение, она сделалась убежденной социалисткой и демократкой. С мужем ее до последней минуты соединяла самая нежная и трогательная привязанность. Ее страшно мучил заговор, направленный против ее мужа всей буржуазией, низкие клеветы, которыми его осыпали противники, и особенно упорное замалчивание его великих произведений. Незадолго до ее смерти в одном английском журнале появилась статья Бельфора Бакса «Вожак современной мысли Карл Маркс», написанная в сочувственном для Маркса тоне. «Самым же ценным во всем этом было для меня то,—с трогательной простотой писал Маркс своему другу Зорге,—что этот номер был получен мною еще 30 ноября и скрасил последние дни моей дорогой супруги. Ты ведь знаешь, с каким живым интересом она относилась к таким вещам».

Жена Маркса, изнуренная долгими годами изгнания, смертью детей, болезнью мужа, умерла 2 декабря 1881 г. Осенью того же года Маркс заболел плевритом в тяжелой форме. Это было ужасное время для семьи Маркса: в одной комнате лежала на постели умирающая жена, а рядом, в другой комнате, лежал сам Маркс, положение которого врачи считали почти безнадежным. «И оба они,—как пишет Элеонора,—так друг к другу привыкшие, так друг с другом сжив-

пиеся, не могли быть более в одной и той же комнате... «Мавр» еще раз победил болезнь; никогда я не забуду того утра, когда он, почувствовав себя уже достаточно сильным, отправился в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели: предо мною были не разбитый болезнью старый муж и не старая умирающая жена, а влюбленный юноша и молодая влюбленная девушка». Последние слова госпожи Маркс, сказанные почему-то по-английски, были обращены к ее мужу; когда она почувствовала приближение рокового конца, она воскликнула: «Карл, я теряю силы». Когда пришел Энгельс, он сказал: «Теперь Мавр тоже умер». И это была правда. Госпожу Маркс похоронили 5 декабря на Хайгетском кладбище; Энгельс должен был удерживать за руку Маркса, который едва не бросился в могилу за своей верной подругой. Через 15 месяцев он последовал за своей женой.

Оправившись от плеврита, Маркс в феврале 1882 г. был отправлен в Алжир, но по дороге простудился и приехал на место с новым плевритом. Затем он побывал в Монте-Карло и уехал в Аржантейль под Парижем, к своей дочери г-же Лонге, где лечился от своего застарелого бронхита Энгиевскими серными водами. Зимой 1882 г. он жил на острове Уайт, где снова простудился. Тем временем умерла старшая его дочь г-жа Лонге; эта смерть окончательно сразила Маркса. К его болезни присоединилась масса осложнений и, главным образом, нарыв в легких и быстрый упадок сил. 14 марта 1883 г. Маркс вышел из спальни своей дочери Элеоноры, направился в свой кабинет в Майтландском парке, сел там в свое кресло и тихо уснул навеки. Он был похоронен на Хайгетском кладбище, рядом со своей женой.

Вот, что писал Энгельс к Зорге на другой день после смерти Карла Маркса:

«Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреватые утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему пару лет растительного существования, т.е. жизнь беспомощного, лишь во славу искусству докторов, не сразу, а медленно умирающего существа; но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою целый ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца—было бы для него в тысячу раз

тяжелее спокойной смерти. «Смерть страшна не умирающему, а остающемуся в живых»,—имел он обыкновение повторять вместе с Эпикуром. И этого мощного гениального человека видеть развалиной, влачащей свое существование для вящей славы медицины и для насмешек над собою филистеров, которых он во цвете своих сил так часто беспощадно уничтожал,—нет, в тысячу раз лучше то, что совершилось: нет, в тысячу раз лучше будет, когда мы его послезавтра снесем в могилу, в которой спит и его супруга.

«По моему мнению, после всего пережитого другого исхода не было; это я знаю лучше всех врачей.

«Пусть будет так! Человечество сделалось ниже на целую голову, притом на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало в последнее время.

«Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы, такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом.

«Местным знаменитостям и маленьким талантам, если не шарлатанам, развязались руки. Конечная победа несомненна, но отклонения в сторону, временные и местные замешательства—и без того неизбежные—теперь разовьются в еще большей степени.

«Пусть—мы должны и это пережить, иначе зачем мы существуем? И нас это не пугает».

VIII.

Значение Маркса в науке.

Заслуги Карла Маркса в истории науки неизмеримы.

Учение Маркса явилось синтезом научного наблюдения над фактическим развитием современного общества и над практическим движением рабочего класса, борющегося за свое освобождение. Для выработки своего мировоззрения Маркс использовал все завоевания буржуазной науки, сделанные ею до него во всех областях человеческого знания: английскую

классическую экономию и теории физиократов, учения английских и французских утопистов, труды французских историков эпохи июльской монархии, немецкую философию и т. д. И, критически переработав все данные буржуазной науки и утопических систем, он создал свое учение научного социализма или критического коммунизма.

До Маркса социализм выступал или в форме утопических доктрин, или в виде стихийных возмущений доведенного до отчаяния пролетариата.

Из социалистических мыслителей, развивавших социалистические идеи до Маркса, лишь немногие были связаны с действительным движением самих рабочих масс. К таковым нужно отнести Бабефа (в конце XVIII века) и его последователей (особенно Буанаротти), Огюста Бланки и пр. Большинство же представителей различных социалистических школ не было связано с самой массой. Это были кабинетные мыслители. Многие из них даже думали, что социализм можно осуществить одними добрыми пожеланиями, а не упорной борьбой рабочего класса с его поработителями.

Одни социалисты надеялись осуществить «царство божие» на земле путем убеждения и обращения к совести власть имущих. Они полагали, что зло человеческого неравенства исчезнет тогда, когда люди поймут, что эксплуатация человека человеком несправедлива. И потому, эти социалисты думали, христианской проповедью уничтожить зло, царящее в современном обществе. Другие думали, что надо государственным путем разделить все имущество поровну, распределить все имеющееся в государстве добро,—и тогда люди будут жить безбедно,—всяк в свое удовольствие. Третьи предлагали устроить беспроцентные государственные ссуды, которые бы дали возможность каждому обзавестись собственным хозяйством, быть независимым и таким образом надеялись уничтожить новое рабство, которое принес с собой капиталистический строй (мелко-буржуазный социализм Сисмонди, Прудона и проч.). Четвертые думали, что от всех бед могут спасти человечество государственные мастерские, правильно регулирующие спрос и предложение труда, уравнивающие всех граждан в общественной работе и тем самым уничтожающие вопиющее неравенство и несправедливость настоящих людских отношений (Луи Блан и пр.). Многие предлагали устройство колоний.

кооперативов и тому подобных благотворительных общественных учреждений, надеясь этим путем привести человечество в царство равенства и братства.

Всех этих преобразователей-социалистов Маркс назвал у т о п и с т а м и (мечтателями), а их учения—у т о п и з м о м (несбыточной мечтой). Они строили свои идеи не на изучении реальных условий общественной жизни, а на чувствах, на людской доброте, отзывчивости и разумном понимании окружающего нас зла.

При всем различии этих школ у них была одна общая черта: они рассчитывали не столько на самостоятельность масс, не столько на собственные усилия и борьбу пролетариата, сколько на доброжелательство высших классов или на помощь со стороны буржуазного государства. Их учения были по существу не революционными, а скорее филантропическими. Значения самостоятельной борьбы рабочего класса, особенно его политической борьбы, они в большинстве случаев не только не понимали, но даже считали ее вредной или видели в ней проявление отсталости масс. В те времена представители всех этих школ, в сущности, очень умеренных, а иногда и прямо буржуазных, назывались преимущественно с о ц и а л и с т а м и, а их различные учения—с о ц и а л и с т и ч е с к и м и.

Утописты, критикуя—и подчас блестяще критикуя—недостатки существующего строя, совершенно не замечали имманентной тенденции капиталистического производства к подготовке объективных и субъективных предпосылок социализма и по общему правилу решительно не понимали исторических задач пролетариата. Они поэтому сочиняли фантастические планы общественного переустройства и с предложением осуществить их обращались ко всем социальным элементам безразлично, преимущественно даже к господствующим классам. Самодетельность пролетариата, его политическую и в особенности революционную деятельность они решительно отвергали. Вот почему они не только не могли объединить теорию с практикой, социализм с рабочим движением, но, по мере развития последнего, все больше отдалялись от него, превращаясь в окостенелые секты.

В отличие от них среди самих рабочих масс начали вырабатываться крайние революционные стремления, получившие, в отличие от умеренного социализма, название к о м м у н и з -

ма. Приверженцы этих учений назывались коммунистами.

Коммунисты стремились к насильственному ниспровержению буржуазного строя, к захвату власти рабочими, к передаче всех богатств и средств производства в общую собственность всех трудящихся. До Маркса, эти взгляды не были приведены в стройную систему и не имели под собою прочного научного обоснования. Маркс дал то и другое, опираясь на весь опыт предшествовавшего рабочего движения и современной ему борьбы пролетариата. Учение Маркса, представляющее наиболее развитую форму коммунизма, корнями своими тесно связано было с действительной жизнью и борьбою самих рабочих масс.

Сам рабочий класс, не вполне еще сложившийся и продолжавший вербоваться из пролетаризуемых крестьян и ремесленников, находился еще на низкой ступени развития. Иногда его недовольство прорывалось в судорожных вспышках, после которых он снова впадал в продолжительный маразм. Не будучи в состоянии выставить собственного плана радикального общественного переустройства, он или погрязал в полном безразличии, или послушно плелся за буржуазией, побивая ее врагов—абсолютизм и феодальных землевладельцев, но сам поработаемый ею и политически, и экономически, и умственно, и морально. Ему, словом, не доставало еще классового сознания, собственного пролетарского мировоззрения.

Это мировоззрение дал ему Карл Маркс. Конечно, он не выдумал его из собственной головы. Для создания своей системы Маркс продумал и критически переработал не только все приобретения буржуазной науки, не только исторический опыт всех народов и классов, но в первую голову и главным образом, исторический опыт самого пролетариата, опыт, до которого рабочий класс доработался в лице своих передовых представителей: опыт английских разрушителей машин (лэддитов) и забастовщиков, опыт тред-юнионов, отстаивавших профессиональные интересы рабочих, и чартистов, боровшихся за всеобщее избирательное право и за демократизацию политического строя; опыт французских кустарей и рабочих, бунтовавших в Лионе в 1831 и 1834 г.г., бланкистов, организовавших тайные общества и систематиче-

•ки устраивавших восстания, и рабочих-республиканцев, добивавшихся избирательной реформы и «организации труда»; опыт немецких ремесленников-эмигрантов, объединявшихся в Союзы Опальных и Справедливых и т. д., и т. п. Каждое из этих движений рабочего класса выдвигало какую-нибудь социальную проблему, каждое из них клало какой-нибудь камень в фундамент грядущего здания, каждое разрабатывало какую-нибудь частную сторону исторического движения пролетариата к полному своему освобождению. Синтезом этого опыта, освещенного ярким светом критического научного анализа исторического развития, и явилось учение Маркса.

В то же время это учение не только имело практический характер, но и внесло полный переворот в традиционную социальную науку открытием закона исторического развития. Сущность своей философии истории, получившей название экономического или исторического материализма, Маркс излагал уже эскизно в «Нищете философии», полнее в «Коммунистическом Манифесте», но классически сжатую формулировку ее он дал в предисловии к своей книге «К критике политической экономии».

Вот это знаменитое место:

«В общественном отправлениях своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание. На известной степени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения стано-

вятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются. Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует объяснять из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому, человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения. В общих чертах можно наметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, но такого, который вырастает из условий общественной жизни индивидуумов. Но производительные силы, развивающиеся в лоне буржуазного общества, создают в то же время материальные условия, необходимые для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается, поэтому, прелюдия истории (*Vorgeschichte*) человеческого общества»¹⁾.

¹⁾ Цитировано по переводу П. Румянцева, Спб. 1907, стр. XIII—XIV.

Таким образом, сущность исторической философии Маркса сводится к следующему.

Люди живут обществами. Общими силами они борются с природой, добывая себе средства к существованию. При этом они, производя нужные продукты, вступают друг с другом в определенные, от их личной воли не зависящие, отношения. Так как эти отношения создаются в области производства жизненных благ, Маркс называет их производственными отношениями. Способности человечества к производству жизненных благ в разные времена неодинаковы. Производительные силы людей непрерывно растут. Производственные (общественные) отношения людей соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. А так как эти производительные силы постоянно изменяются, то изменяются и общественные отношения людей.

Совокупность производственных отношений людей образует экономическую структуру (хозяйственный строй) общества. Этот экономический строй составляет фундамент,—основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка. Другими словами, юридические отношения людей, их политические отношения, форма государственного устройства—все это зависит от их экономических отношений, от хозяйственного фундамента их жизни. Этому же фундаменту соответствуют определенные формы общественного сознания, взгляды людей, их религия, их понятия. Таким образом, способ производства материальной жизни обуславливает собой ход и развитие жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но напротив, общественное бытие определяет их сознание.

Но производительные силы людей не стоят на одном месте. Они растут безостановочно. А так как от них зависят все общественные отношения людей, то последние все время изменяются в зависимости от развития производительных сил. Колебания фундамента отражаются на жизни построенного на нем общества. Производительные силы образуют как бы ядро, все общественные отношения (правовые и политические) и вся духовная жизнь людей (их взгляды, верования, стремления) составляют как бы оболочку. По мере разбухания ядра растягивается эта оболочка, но при этом по временам происходят ее разрывы: это—революции.

До тех пор, пока оболочка ядра достаточно растяжима и эластична, производительные силы развиваются нормально и постепенно. Но наступает момент, когда рост производительных сил встречает препятствие и сопротивление этой оболочки, т.-е. создавшихся в прежнее время общественных и политических отношений. Иначе говоря, растущие производительные силы приходят в противоречие с существующими общественными отношениями. Последние уже не содействуют развитию производительных сил, а задерживают его. Тогда в обществе начинается революционное брожение, а затем происходит и социальная революция. Оболочка разрывается и заменяется новой, более соответствующей достигнутому уровню производительных сил. Складываются новые общественные отношения людей, новые формы политической жизни, семьи, религии, философских, литературных и художественных воззрений—и так до следующего переворота.

Маркс намечает в истории человечества четыре основных типа экономического уклада, из которых каждый представляет шаг вперед в прогрессивном развитии общества от рабства к свободе, иначе—четыре способа производства: 1) азиатский, 2) античный (древний, основанный на рабстве), 3) феодальный (помещичий, вотчинный, основанный на крепостничестве) и 4) современный буржуазный (капиталистический, основанный на наемном труде). Все эти формы общества ¹⁾ построены на противоречии интересов, на эксплуатации одного класса другим, на борьбе интересов. Но буржуазный строй представляет последнюю форму такого общественного уклада. Развивающиеся в его недрах производительные силы создают возможность построения нового бесклассового общества, основанного на равенстве всех его членов, на общем их труде и на принадлежности средств производства всему обществу. Таким образом, буржуазным строем завершается введение в историю человеческого общества, а с его уничтожением начнется новая история.

Маркс ввел в историю понятие закономерности, принцип эволюции, который впоследствии оконча-

¹⁾ К этим четырем типам общества Маркс и Энгельс впоследствии прибавили пятый, первобытный (доисторический) строй, основанный на общинном землевладении, отсутствии классового деления и кровно-родовых связях.

тельно водворился в науку вообще (в особенности благодаря работам другого гения XIX столетия, Чарльза Дарвина). Но эволюцию Маркс понимал не в смысле ученых педантов, противопоставляющих постепенное развитие непохвальным «внезапным» переворотам. Применяв к общественной философии заимствованный у Гегеля диалектический метод, он показал, что на известной ступени развития эволюция переходит в революцию, которая таким образом является одним из необходимых звеньев эволюционной цепи; так что и эволюция, и революция одинаково «естественны» и «законны» в истории как природы, так и человечества. Изгнавши из истории элемент случайности, Маркс доставил право гражданства историческому детерминизму. Вместе с тем, он раскрыл тайну исторического развития человечества, применивши к истории метод материалистического истолкования и, таким образом, изгнавши идеализм из его последнего убежища. Только с этого момента сделалась возможной научная социология.

Маркс взглянул на человечество как на трудовую ассоциацию, оказывающую воздействие на природу и вместе с тем изменяющую свой собственный характер под влиянием коллективного трудового процесса. В развитии производительных сил он открыл тот основной фактор, которым определяются взаимные экономические, а значит, и политические, и юридические, и иные отношения людей. Он показал, что вся история человечества после распада первобытной общины, основанной на родовых связях, была историей борьбы классов. Эта классовая борьба, в зависимости от условий места и времени, могла выливаться в различные формы, но сущность ее всегда оставалась неизменной: это была борьба за экономическое и политическое господство, за право эксплуатации человека человеком. До сих пор трудящаяся масса находилась в порабощении у кучки привилегированных эксплуататоров, до сих пор продукты, созданные руками человека, господствовали над ним и порабощали его. И только в новейший период человеческой истории производительные силы настолько развились, а эксплуатация человека человеком настолько упростилась и оголилась, что явилась возможность для трудящихся освободиться от извечного ярма.

Наметивши общими гигантскими штрихами последовательную смену экономических формаций, определявших характер целых исторических периодов,—общества: первобытно-коммунистическое, антично-рабское, феодально-крепостное и буржуазное,—Маркс сосредоточил свое внимание на подробном анализе последнего, которое с его легкой руки получило в науке название «капиталистического». Он раскрыл закон развития этого общества и разоблачил его тайну, показавши, что капиталистический строй основан на эксплуатации класса наемных рабочих, пролетариев, классом капиталистов, буржуазией, присваивающей себе в виде прибавочной стоимости неоплаченный труд рабочего. Маркс разъяснил, что заработная плата, которую капиталист выдает рабочему, является лишь частью той ценности, которую рабочий создает своим трудом. Размер этой платы таков, чтобы рабочий не умирал с голоду и мог продолжать производство избыточной ценности в пользу капиталиста. Большая часть производимой рабочими ценности, остается в руках владельцев орудий производства (капиталистов) и создает им прибыль, которую они накапливают в виде капитала для дальнейшей эксплуатации рабочих. Он выяснил законы накопления и концентрации капитала, показал, что капиталистический режим, кульминационной точкой которого является машинная индустрия, естественно ведет к сосредоточению средств производства в руках все убывающей кучки промышленных королей, магнатов капитала, к сосредоточению рабочих на крупных фабриках и заводах, к вытеснению разрозненного труда коллективным. Таким образом буржуазный строй властно толкает общество к замене индивидуального, анархического, т.-е. разрозненного и неупорядоченного, производства и частной собственности социалистическим, организованным по определенному плану, производством и общей собственностью на орудия труда.

С раскрытием законов капиталистического производства и обмена сделалась возможной научная политическая экономия, основы которой заложены были классической школой.

Но особенно велики заслуги Маркса в выяснении исторических судеб и задач пролетариата.

Маркс показал, как возник и сложился современный пролетариат, в какое положение его ставит крупное фабричное производство, как капитализм разрушает его здоровье, семью и старую мораль. Но вместе с тем он выяснил, как одновременно растет сознание и организация рабочего класса, как в нем все сильнее зреет стремление к своему освобождению. Маркс проследил «более или менее скрытую гражданскую войну» между пролетариатом и буржуазией, начиная от первых проблесков разрозненного рабочего протеста и вплоть до социальной революции, до насильственного низвержения буржуазии пролетариатом, добывающим господства в государстве. Он показал, как эта социальная революция с железной необходимостью вытекает из всего предшествующего развития и властно навязывается пролетариату всем ходом исторического процесса, словом, показал, что она является объективной, не зависящей от чьей-либо воли, исторической необходимостью. При этом Маркс подчеркнул существенную отличительную черту пролетарского революционного движения: все предшествовавшие исторические революции были движением меньшинства или совершались в интересах меньшинства; социалистическое же движение пролетариата есть самостоятельное движение громадного большинства в интересах подавляющего большинства. «Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не взорвав на воздух всю надстройку слоев, образующих официальное общество; он не может освободиться, не освобождая вместе с тем всего человечества».

В этом-то и заключается историческая миссия (призвание) пролетариата. Эту миссию он должен понять и подготовиться к ее выполнению. Но для достижения своей цели он должен выработать в себе классовое сознание и организовать в самостоятельную силу. В противность утопистам, меньше всего думавшим о самостоятельных выступлениях рабочего класса, Маркс все свои надежды возлагал исключительно на его самостоятельность. Эта самостоятельность должна проявиться во всех областях социальной жизни: экономической, политической и идейной. Синтетическое, целостное понимание пролетарского движения исключало у Маркса аполитицизм или политический индифферен-

тизм, присущий системам утопистов и «истинных» социалистов. В этом отношении на Маркса оказала влияние пройденная им в юности школа политического радикализма, а также уроки французского рабочего движения 30-х и 40-х годов (особенно деятельность бланкистов) и движения английских чартистов. Исходя из того положения, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, Маркс считал необходимой организацию рабочего класса в самостоятельную политическую силу, которая на известной стадии своего роста захватывает власть в государстве, устанавливает диктатуру пролетариата и преобразует современное буржуазное общество в социалистическое. Только с этого момента кончается эпоха стихийности и бессознательности в истории человечества и начинается период свободы и сознательного владычества людей над созданными их коллективным трудом производительными силами.

Таков был идеал, начертанный могучим мыслителем для поднимающегося и борющегося пролетариата. Все силы его ума и сердца отданы были делу просвещения и организации рабочего класса, в котором он усматривал единственно здоровый и революционный элемент современного буржуазного общества. На этом пути великого борца ждал ряд жестоких разочарований: крах революционного движения 1848—49 г.г., распадение Интернационала и подавление парижской Коммуны. Марксу так и не удалось дожидаться того оживления социалистического движения, которое началось во всех капиталистических странах с конца 80-х годов. Но он слишком хорошо понимал, что железная логика исторической необходимости работает в пользу его идеала и что, несмотря на временные отливы революционной волны, конечная победа все же обеспечена социалистическому движению.

Такая же неудача суждена была Марксу и в области его научной деятельности. Что буржуазная наука в первое время систематически и упорно замалчивала появление его великих работ, это совершенно естественно: она чуяла в них смертный приговор тому классу, интересы которого она защищает не за страх, а за совесть. Только в позднейшее время, когда распространение марксизма в широких массах лишило дальнейшее его замалчивание всякого смысла, среди буржуазных

писак и молодых доцентов вошло в моду составлять себе имя и карьере беззубой и бездарной критикой «заблуждений» Карла Маркса. Но и среди рабочего класса, для которого Маркс работал всю свою жизнь, его учение сначала распространялось чрезвычайно туго. Французские прудонисты были поражены, когда в 1867 г., т.-е. через 20 лет после выхода «Нищеты философии», Эккарюс сообщил им о существовании этого замечательного труда, разбивающего вдребезги всю мещанскую мудрость и утопизм Прудона. Даже «Коммунистический Манифест», это евангелие критического коммунизма, в первое время не нашел широкого распространения, и такой, например, выдающийся революционер, как В. Либкнехт, познакомился с ним только после подавления революционного движения 1848—49 г.г.; о массе рядовых работников, значит, нечего и говорить. Самое крупное и выдающееся произведение Маркса, «Капитал», также не сразу было оценено его единомышленниками.

Но постепенно дело значительно изменилось. Правда, большая часть произведений Карла Маркса, при всей своей строгой логичности и ясности мысли, не могут похвастать особой популярностью. Для их понимания требуется известная довольно серьезная подготовка и умственная дисциплина. И тем не менее идеи Маркса постепенно проникли в сознание миллионов и миллионов рабочих: через посредство социалистических газет и брошюр, пропагандистских и агитационных речей и т. п. учения великого мыслителя сделались достоянием пролетариата, чьи интересы они выражали и чьи стремления они формулировали. В настоящее время мы и не замечаем, что бессознательно впитываем в себя идеи Маркса и дышим атмосферой, пропитанной ими. «Теория,—по выражению ее творца,—сделалась материальной силой, охвативши массы». Осуществился, наконец, «союз науки и работников,—говоря словами Лассалля,—которые, слившись воедино, раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоящие на пути к культуре». И с каждым днем этот союз становится все теснее и теснее, с каждым днем идеи Маркса охватывают все более широкие массы.

Еще меньше повезло вначале Марксу в истолковании и применении его учения. Немногочисленны были те элементы, которые сразу усвоили истинный смысл марксизма, этого са-

мого революционного учения по преимуществу. Быть может, ни одна доктрина не подвергалась такому перетолкованию и опошлению, как марксистская—и притом со стороны людей, всерьез считавших себя марксистами или желавших, чтобы другие считали их таковыми. Даже германская социал-демократия, которая складывалась и развивалась в тесной идейной связи с Марксом и Энгельсом, многие из основателей которой лично прошли марксову школу, не избежала этой участи. И можно даже сказать, что она более других повинна в этом извращении марксизма, хранительницей которого она так долго и самоуверенно выступала в эпоху 2-го Интернационала.

С самого начала в ней существовало два течения совершенно различного характера (не считая примирительного центра, в конце концов слившегося с правым крылом). Одно из них искренне хотело оставаться на почве революционного коммунизма и идти открыто к низвержению буржуазии, другое с каждым днем все больше отходило от марксизма и в сущности стремилось превратить пролетариат в придаток буржуазии и превратить социал-демократию ¹⁾ в социал-реформистскую партию, которая в рамках буржуазного общества борется за частичные реформы и отказывается от решительного нападения на капиталистический режим. И как раз после того, как с.-д. партия, приняв в 1891 году Эрфуртскую программу, на словах якобы стала на почву марксизма, она особенно быстро стала на деле отходить от него, окончательно погружаясь в болото оппортунизма. Мы знаем, как горячо Маркс протестовал против оппортунистического вырождения партии, когда проявились только его первые симптомы в конце 70-х годов. Что бы почувствовал старый коммунист, если бы ему суждено было увидеть своими глазами вырождение ~~и~~ партии и проституирование марксизма нынешней ~~социал-демократией~~ с ее Шейдеманами и Носке!

¹⁾ В высшей степени характерно, что Маркс и Энгельс никогда не называли себя социал-демократами, а только коммунистами. И даже незадолго до своей смерти, в 1894 г., когда Ф. Энгельс в значительной мере примирился с с.-д. партией, он находил этот термин крайне неудачным, склоняясь к старому названию „коммунистическая партия“. Дело, разумеется, не только в слове, а в той практике, которая скрывалась за этим двусмысленным названием.

Аналогичное развитие совершалось и в других партиях 2-го Интернационала (до основания которого Маркс, впрочем, не дожил). Правое крыло социалистических партий, постепенно беря перевес в международном рабочем движении, довело 2-й Интернационал до того бессилия и позора, которым ознаменовалось поведение большинства социалистов во время мировой войны 1914 и следующих годов, а также в период, следовавший за окончанием этой войны.

И только в III Интернационале марксизм возродился, наконец, во всей своей целостности и глубине, только III Интернационал действительно усвоил не только букву, но и дух марксова учения. Вот почему III Интернационал вправе называться Коммунистическим. В свое время Энгельс выразил надежду, что 2-й Интернационал поднимет знамя марксизма и будет «чисто коммунистическим». К сожалению, он в этом отношении ошибся. Международному рабочему движению пришлось пережить длинную полосу развития и пройти через тяжелые испытания, прежде чем сложилась организация, действительно стоящая на почве революционного коммунизма и ведущая международный пролетариат к освобождению под знаменем подлинного марксизма.

Маркс умер, но дело его и мысль его бессмертны. И в пантеоне великих людей, хорошо послуживших человечеству, Карлу Марксу по праву принадлежит самое почетное место.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. Годы подготовки	3
II. Выработка нового мирозерцания	10
III. Революция 1848—49 года	16
IV. Период реакции	40
V. Интернационал	50
VI. Содействие социалистическому движению в отдельных странах	76
VII. Из личной жизни Маркса	93
VIII. Значение Маркса в науке	100

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКВА 1923